

ПРОСТЫЕ РАДОСТИ ЖИЗНИ

Р[✿]ОУШИИИ МИНИ

ТО, ЧТО НАС
ОБЪЕДИНЯЕТ

Эта книга даст вам ответ на вопрос, почему Роушин Мини – один из любимых авторов в Ирландии. Если вы увидите этот роман на книжной полке, непременно хватайте экземпляр.

– Bleach House Library

Annotation

Наши жизни выписаны рукой других людей. Некоторым посвящены целые главы. А чье-то присутствие можно вместить всего в пару строк — случайный попутчик, почтальон, продавец из булочной, — но и они порой способны повлиять на нашу судьбу.

Хелен и Сара встретились на мосту, когда одна из них была полна желания жить, другая же — мечтала забыться. Их разделяли десяток лет, разное воспитание и характеры, но они все же стали подругами, невидимыми друзьями по переписке, бережно хранящими сокровенные тайны друг друга.

Но что для Хелен и Сары на самом деле значит искренность? И до какой степени можно довериться чужому человеку, не боясь, что однажды тебя настигнет горькое разочарование?

Роушин Мини

То, что нас объединяет

Посвящается Трис, в благодарность за ее неустанную поддержку.

Выражаю признательность моему редактору Кьяре Дорли, которая неизменно помогала мне советами и дружескими отзывами, а также всей команде издательства Hachette Books Ireland. Желаю вам дальнейшего процветания!

Спасибо Хэзель, моему второму редактору, за профессиональное мастерство и Энгусу, моему корректору, за тщательную проработку текста.

Особенно хочу поблагодарить Мауру, с которой долгие годы переписывалась моя мать: их дружба вдохновила меня на создание этой книги.

Огромное спасибо Интернету, который оказался необычайно полезным при работе над книгой.

Спасибо моим близким за их горячую веру в мои способности.

Спасибо всем тем, кто решил прочесть эту книгу.

Искренне надеюсь, что она вам понравится.

Роушин Мини

Наши жизни выписаны рукою других людей. Кое-кто сопровождает нас с самого детства: родители, братья и сестры, первые друзья. И каждый из них добавляет по главе к истории нашей жизни. С другими судьба сводит нас позже. Это учителя и коллеги по работе, возлюбленные и новые приятели. Отношения усложняются, обогащая сюжет красками и неожиданными поворотами событий. Благодаря им мы выбираем пути, на которые прежде не обратили бы внимания, и листаем все новые страницы своего рукописного бытия.

Куда больше было тех, чья жизненная траектория лишь ненадолго пересеклась с нашей и кто в силу этого не оставил по себе значительных воспоминаний. Ворчливый хозяин кондитерской лавочки, каждую пятницу избавлявший нас от груза карманных денег. Жизнерадостный дантист, в обязанности которого входило сверлить и пломбировать наши детские зубы. Библиотекарь, регулярно выдававший на дом подростковое чтение. Парнишка с копной рыжих волос, каждое утро бросавший газету в прорезь нашего первого — зато своего! — почтового ящика. Эти мимолетные характеры практически не затрагивают нашего повествования и очень скоро покидают страницы наших историй.

Но есть и другие, знакомство с которыми оборачивается порой настоящим сюрпризом. Нежданно-негаданно встречаются они нам на пути, меняя не только нас, но и весь ход нашей жизни.

Как раз о таких отношениях и повествует эта книга. В ней говорится о дружбе, которую трудно было даже вообразить; о дружбе, оказавшей глубокое воздействие на обеих ее участниц — от драматичнейшей из завязок и до конца, который невозможно было предугадать.

Это история Хелен и Сары.

Если бы не шарф, ей бы и в голову не пришло остановиться. Само собой, она заметила бордового оттенка автомобиль — сразу, как только свернула на мост. Да и как его можно было проглядеть? Передние колеса повернуты в сторону, капот торчит наружу. Такое чувство, будто его не припарковали, а бросили второпях. Но мысли ее все еще крутились вокруг недавнего собеседования, и образ машины случайным пятном мелькнул в сознании. Мелькнул и тут же исчез.

Интересно, какое впечатление произвела она на эту троицу? На невозмутимых людей, которые добрых сорок пять минут копались в ее прошлом? Об этом ей оставалось лишь гадать. Все то время, что она рассказывала о себе, на лицах их не промелькнуло ни капельки раздражения или недовольства. С другой стороны, не заметила она и явных признаков одобрения. Они просто слушали, кивали и что-то царапали в своих синих блокнотах.

Хорошо уже то, что Сара была женщиной — как-никак всем известно, что женщины готовят лучше мужчин. Не исключено, правда, что они надеялись подыскать кого-нибудь постарше и поопытнее. В свои двадцать четыре Сара не могла похвастаться ничем, кроме готовки на кухне маленькой сельской гостиницы, которая принадлежала ее дяде Джону.

На самом деле она была признательна даже за такую работу. С ее посредственным аттестатом вряд ли приходилось рассчитывать на что-то лучшее. Рабочих мест было мало. Вдобавок хозяева предпочитали нанимать мужчин, поскольку знали, что те, в отличие от женщин, не сбегут сразу после свадьбы или рождения ребенка. Неудивительно, что большинство ее подружек, окончив школу, тут же уехали из страны. А те, кто остался, поспешили обзавестись мужем и детьми.

Но эмиграция Сару не устраивала, а мужчины не торопились предлагать ей руку и сердце. Оставалась только работа. Все свое время она проводила на кухне этой маленькой гостиницы, наблюдая за другими поварами и перенимая у них лучшее. А в свободные часы она с жадностью поглощала кулинарные книги. Саре нравилось готовить, и она чувствовала, что созрела для большего. Ей ужасно хотелось стать шеф-поваром — хотя бы и в доме престарелых, который располагался в графстве Килдэр, где-то в сорока милях от Дублина. Очень даже достойное место, и она сделает все возможное, чтобы получить его.

А вот Кристина была другого мнения.

— Ума не приложу, почему ты хочешь устроиться в приют Святого Себастьяна, — сказала она, аккуратно прорисовывая стрелку по краю левого глаза.

— А что с ним не так?

Они сами выросли в трех милях от дома престарелых — находился он на той же улице, что их старая школа.

— Да ничего особенного, я думаю. Вполне приличное заведение. Боюсь только, устроившись туда, ты потеряешь все шансы на замужество. Ну с кем ты будешь встречаться, если народ там от семидесяти пяти и старше?

— Я ищу работу не для того, чтобы подцепить ухажера, — возразила Сара. — Что мешает мне встречаться с парнями в свободное время?

Но слова сестры задели ее за живое. Сара не раз видела в мечтах, как идет к алтарю под руку с возлюбленным. Она и помыслить не могла, что судьба лишит ее возможности стать матерью и женой. Другое дело, что женщины и правда находили себе мужей в основном на

рабочем месте. А кого, скажите на милость, могла она встретить в доме престарелых?

Хорошо было Кристине рассуждать о подобных вещах. Со своим Брайаном она начала встречаться еще в школе. В скором времени они объявят о помолвке, да и свадьба была уже не за горами. Стоит ей забеременеть, и она тут же бросит работу в местной библиотеке, чтобы до конца жизни наглаживать мужу рубашки и кормить его вкусными обедами.

А теперь взгляните на Сару — годом старше сестры и все еще не замужем. По-прежнему живет в родительском доме и спит в той же постели, к которой привыкла с детства. На стенах с цветастыми обоями — старые постеры с The Beatles и Джо Доланом. Тем временем две Сарины подружки уже успели обзавестись детьми: Горетти Тобин нянчилась с двумя маленькими мальчиками, а у Аврил Делани сразу после Рождества родилась девочка. Куда же запропастился мужчина, определенный Саре в мужа?

Пока же ей оставалось только работать. И поскольку Саре нравилось заниматься готовкой, она откликнулась на объявление об имеющейся вакансии в доме престарелых. Если ей удастся устроиться к ним на кухню, так тому и быть. Она наплюет на предостережения Кристины и будет надеяться на лучшее.

Интересно, был ли толк от зеленого брючного костюма или стоило все-таки сделать выбор в пользу розового платья, которое ей так нравилось? Но мать Сары настояла, чтобы дочка отправилась на собеседование в костюме.

— Тебе идет зеленый, — заявила она, усердно заштопывая один из многочисленных носков мужа. — К тому же в костюме ты выглядишь по-деловому.

— Ради Бога, мама, я устраиваюсь работать на кухню, — возразила Сара. — Зачем мне выглядеть по-деловому, когда я кромсаю лук или чищу картошку?

Она знала, впрочем, почему мать так возражала против платья: на ее взгляд, оно было слишком коротким. Сама Сара так не считала. Выглядело оно во всяком случае куда приличнее тех нарядов, которые каждую неделю демонстрировали в телепрограмме «Вершина популярности». Все вокруг носили мини, а уж Саре с ее ногами и вовсе нечего было стыдиться.

С другой стороны, та женщина в наглухо застегнутом кардигане, что присутствовала на интервью — как там ее, Бернис, Беатрис? — вряд ли одобрила бы любой наряд выше колена. Да и катить на велосипеде в брючном костюме было куда легче.

Сверху начал накрапывать дождик, и Сара прибавила скорости. Скорее бы уже оказаться дома...

Она едва не наехала на него. Шарф яркой лужицей растекся по деревянному настилу моста, прямо на дороге. Резко вывернув руль, Сара нажала на тормоз. И вернулась, чтобы получше рассмотреть находку.

Воздушная безделушка — *100 % шелк*, как гласила надпись на ярлыке, — переливалась синими, лиловыми и бирюзовыми красками. Развернув шарф, Сара ощутила запах сигарет и сладковатый аромат духов.

Откуда он тут взялся? Недавний гость на мосту — ни тебе следов от шин, ни дождевых разводов. К тому же любой ветерок с легкостью поднял бы этот кусочек шелка и унес куда глаза глядят.

Сара представила, как яркий шарф взмывает вверх, скользит по воздуху, огибая верхушки деревьев, и повисает наконец, к недоумению прихожан, на церковном шпиле. А может, ему суждено было упасть в реку и отправиться к морю, как пресловутым Кошечке и Сове^[1]. Случайный рыбак, заметив яркую тряпочку, мог выловить ее и отнести потом своей жене.

Оглянувшись, Сара вновь увидела небрежно брошенный автомобиль. Только теперь заметила она фигуру, прижавшуюся к металлической ограде моста. Между ней и Сарой было метров тридцать.

Сара прищурилась, пытаясь разглядеть незнакомца. Или незнакомку? Человек зябко кутался в темное пальто, то ли черное, то ли коричневое. В глаза ей бросилась копна таких же темных волос. Или то была меховая шапка — вроде тех, какие носят русские шпионы в фильмах про Джеймса Бонда?

Она слезла с велосипеда и аккуратно прислонила его к перилам. Потирая замерзшие руки, Сара зашагала в сторону машины. Тонкие каблочки единственных ее приличных туфель звонко отстукивали каждый шаг. С чего-то вдруг ей вспомнилась учительница, которая вела у них занятия в третьем или втором классе. Сестра Мэри Ассумпта. Или Аттракта?

Как-то раз, когда Сара не смогла справиться с заданием, она трижды ударила малышку по ладони деревянной указкой. Напугала ее так, что Сара даже намочила штанишки. Суровая была учительница, что и говорить. Шлепала детей при каждом удобном случае. Впрочем, сестры Мэри давно уже нет в живых. Умерла вскоре после того, как Сара перешла в среднюю школу. Умерла мгновенно — то ли от сердечного приступа, то ли от кровоизлияния в мозг. Бедняжка. Когда Сара узнала об этом, все ее обиды как рукой сняло.

Подойдя ближе, Сара обнаружила: то, что она приняла за шапку, было на самом деле копной рыжевато-каштановых кудрей. Сара без раздумий променяла бы свои скучные соломенные пряди на эти роскошные локоны в стиле Ширли Темпл^[2]. Из-за массы кудрей, падавших на ворот кожаного пальто, Сара никак не могла разглядеть лица женщины.

Наверняка та слышала назойливое постукивание ее каблуков. Слышала, но даже не обернулась. Женщина стояла, намертво вцепившись в металлическую ограду моста. Рукава пальто — слишком большого для такой фигурки — едва ли не полностью закрывали ладони. Зажатая между пальцами сигарета дымила в опасной близости от мехового манжета.

Сара остановилась в паре метров от незнакомки. Та по-прежнему сохраняла полную неподвижность, лишь легкий пар срывался с ее губ всякий раз, когда дыхание встречалось с холодным январским воздухом. Что если она не настроена на общение с посторонними? С другой стороны, если это ее шарф — а так оно и было, — ей наверняка захочется получить его назад.

— Прошу прощения.

Тишина. Ни ответа, ни даже признака того, что ее услышали.

— Прошу прощения, — на этот раз чуть громче.

Вновь никакой реакции. Похоже, ее совсем не интересует какой-то там шарф. Сара подняла его повыше:

— Я нашла это на мосту. Шарф лежал прямо на дороге, и я подумала, не ваш ли он.

Женщина по-прежнему смотрела куда-то вдаль. Сара занервничала. Уж не глухая ли она?

Еще один шагок в сторону незнакомки.

— Простите, что беспокою, но мне хотелось...

— Уходите.

Еле различимые, слова эти не прозвучали, а просто прошелестели. Взгляд все также устремлен в сторону. Лишь пепел, сорвавшись с кончика сигареты, закружил куда-то к воде.

— Простите? Боюсь, я плохо расслышала...

— Оставьте меня в покое.

Сара ошеломленно уставилась на незнакомку. Может, та не уловила, что речь идет о шарфе?

— Да, конечно... но я нашла...

— Уходите, — в голосе женщины звучало раздражение. — Оставьте меня в покое.

— Но ваш шарф...

— Можете забрать его себе.

Забрать себе? Вот так запросто отдать первому встречному красивый и дорогуший шарф? С какой стати...

Она замерла, будто ужаленная новой мыслью. Женщина явно была чем-то расстроена. Совсем одна стояла она на мосту, и ей не было дела до собственного шарфа. Возможно, потому, что она не собиралась его больше носить?

Зеленая машина въехала на мост с противоположной стороны. Шофер мимоходом взглянул на двух одиноких женщин. Может, задержать его? Но было уже поздно — миновал мост, машина скрылась из вида.

Да и к чему эта суета? Просто женщина чем-то расстроена. Все, что ей нужно, — плечо, на котором можно выплакаться, да пара дружеских слов.

— Послушайте, — вновь рискнула Сара, — у вас все в порядке? У вас такой вид... даже не знаю. С вами все в порядке? Могу я чем-нибудь помочь?

Женщина отреагировала на это долгим тяжким вдохом. Бросив в речку то, что осталось от сигареты, она наконец повернулась и взглянула на Сару. Лет тридцати, решила та, чуть старше ее самой. Темно-карие, почти черные глаза, крупный, с легкой горбинкой нос, хорошо очерченные губы. Такие лица сразу приковывают к себе внимание. Высокие, четко прорисованные скулы и кожа того нежного оттенка, который принято называть «кофе с молоком».

Сейчас это привлекательное лицо поражало своим безразличием. Взгляд был пустым и равнодушным, отчего у Сары вновь екнуло сердце.

— Почему бы вам не уйти? — с нажимом произнесла женщина. — Уходите и заберите этот гребаный шарф. Хотите, оставьте себе. Хотите, выкиньте. Лично мне плевать.

Грубоватое словцо, произнесенное тихим и безразличным тоном, поражало своей неожиданностью. Сара еще больше забеспокоилась, когда женщина вновь отвернулась и уставилась на реку. Так они и стояли в полном молчании, пока часы отсчитывали секунду за секундой. Сара лихорадочно пыталась понять, что же ей теперь делать. Взять и уйти? Как-то нехорошо. Но что тогда?

Маленькая птичка скользнула к воде и вновь взмыла вверх. Солнце, надежно укрытое облаками, скатилось за какую-то особенно плотную тучу, отчего мир посерел еще больше. Невольно пожившись, Сара плотнее закуталась в куртку. Скоро сумерки, так что на улице станет еще холоднее. Она с тоской подумала о горячей ванне, вкусном ужине, который наверняка уже поджидал ее на столе.

Из кустов, росших неподалеку от моста, раздалась звонкая птичья трель. В этот серый январский день она прозвучала как-то неожиданно и не к месту.

В животе у Сары забурчало. Прошло уже три часа с тех пор, как ей удалось впихнуть в себя вареное яйцо, порезанное на кусочки и смешанное с горсткой грибов. Что и говорить, маловато для обеда. Но мысль о предстоящем собеседовании отбила у нее всякий аппетит.

Надо что-нибудь сказать, решила Сара. Не может же она простоять здесь целый день. А вдруг она просто накрутила себя, и женщина пришла сюда в расстроенных чувствах только

для того, чтобы побыть немного одной? А вдруг нет?

Придется заговорить, даже если выглядеть она будет полной дурочкой. Уж лучше ошибиться, чем по-прежнему теряться в догадках. Только она открыла рот, как женщина вновь повернулась в ее сторону. Глаза на этот раз смотрели с прищуром, между бровей залегла недовольная морщинка.

— Простите, — вырвалось у Сары. — Я знаю, вам хочется, чтобы я ушла, но я так не могу. По крайней мере пока не пойму, что вы не намерены... — она запнулась, пытаясь подобрать правильные слова. — Просто я боюсь, что вы задумали...

Сара вновь замолчала, не в силах высказать свою догадку. Но и без того было ясно, что она имела в виду. Она надеялась, что женщина возмутится, а то и посмеется над ней, но та продолжала смотреть на Сару с прежней невозмутимостью. Ни капли удивления по поводу столь немыслимого предположения, ни тени негодования.

Выходит, она не ошиблась. От нервного напряжения у Сары закололо в ладонях. И как ее угораздило впутаться в подобную ситуацию? Ехала бы себе мимо, не обращая внимания на проклятый шарф! Нет-нет, она вовсе не это имела в виду. Саре очень хотелось помочь незнакомке с моста, вот только как?

— Это не ваше дело, — отрезала женщина. — Вы обо мне ничего не знаете, а потому не имеете права лезть в мою жизнь. Уезжайте и оставьте меня в покое.

— Но я не могу, — настаивала Сара. — По крайней мере теперь, когда я знаю, для чего вы здесь. Как я могу вас бросить? Разве можно просто взять и уйти? Я бы никогда себе не простила, если бы оставила вас.

Запнувшись, она вновь замолчала. Скорее бы проехала хоть какая-нибудь машина! Она бы бросилась к водителю, умоляя о помощи. Но вокруг царил тишина. Сара оказалась один на один с возможной самоубийцей, и ей не на кого было положиться, кроме самой себя.

— Прошу вас, не делайте этого, — она сморгнула, пытаясь отогнать непрошенные слезы. — Не может быть, чтобы все было так плохо. Я хочу сказать...

— Да тебе откуда знать, насколько все плохо?! — с нескрываемым раздражением воскликнула незнакомка. — Кто дал тебе право решать, что я могу с собой делать, а что нет? Убирайся, оставь меня одну. Тебе здесь не место.

— Я не могу, — срывающимся голосом повторила Сара. — Я должна помочь вам, хотите вы того или нет. Я не в состоянии просто взять и уйти — не могу, даже если бы и хотела. Постарайтесь меня понять, — не в силах справиться с нервами, она дала волю слезам. А поскольку платка в руках не было, Сара машинально прижала к лицу шарф.

— Господи Боже! — женщина с размаху хлопнула ладонями по металлическим перилам, заставив Сару судорожно отдернуть руки от лица. — Да ты-то с чего плачешь? Ты же *ничего* обо мне не знаешь. Если бы ты имела хоть малейшее представление о том, что мне пришлось пережить...

— Расскажите мне, — продолжая плакать, Сара нервно рылась в кармане в поисках платка. Впрочем, она тут же вспомнила, что платок остался в сумке, которая висела на велосипеде. — Расскажите, что с вами случилось. Может, я смогу помочь.

Но женщина лишь яростно покачала головой.

— Господи, ты и правда думаешь, что сможешь все уладить? Ну расскажу я тебе, что случилось. И что потом? Ты тут же взмахнешь волшебной палочкой, и все будет, как прежде? — щеки ее пылали, в глазах блестели слезы. — Почему бы тебе не развернуться и не отправиться восвояси? Уходи, сделай вид, что никогда со мной не встречалась. Это

единственное, чем ты можешь мне помочь. — Выпалив это, она вновь отвернулась и стала смотреть на реку.

— Я не могу, — плакала Сара, — просто не могу. Ради Бога, не просите, чтобы я ушла, — она судорожно пыталась подыскать правильные слова. — Наверняка у вас кто-то есть. Кто-то из близких. Только подумайте, каким это станет для них ударом.

Нужно говорить, сказала себе Сара. Постарайся отвлечь ее беседой.

— Вы же не хотите сделать им больно? Сами-то вы сбежите от своих проблем, но тем, кто останется, будет гораздо хуже. Разве оно того стоит?

Она говорила и говорила, хотя и понимала, что может сделать еще хуже. А вдруг у женщины нет семьи? Что если все они погибли во время пожара или в автокатастрофе? Может, потому-то она и прибежала на мост, пытаясь свести счеты с жизнью. Незнакомка стояла, крепко сжимая перила, и Сара внимательно наблюдала за ее руками.

Но женщина оставалась неподвижной. По лицу ее тоже мало что можно было прочесть. Слышала ли она вообще ее слова или думала о чем-то своем? Неважно: чем дольше она так стоит, тем больше шансов, что все закончится хорошо.

— Я тут подумала, — Сара поспешила прервать нависшее молчание, — что в случае грамотной помощи... если бы вы с кем-нибудь поговорили... Нет-нет, не со мной — мы с вами и правда совсем незнакомы. Я понятия не имею, что привело вас сюда, но чувствую, что это не может быть решением проблемы. И если бы вы поговорили с врачом или... — не стоит произносить слово «психиатр», а то вдруг она обидится, сказала себе Сара. — Или с психотерапевтом... Словом, с кем-то из профессионалов, то вам действительно могло бы стать чуточку легче.

Она замолчала, исчерпав все доводы. Легкий ветерок охлаждал ее мокрое лицо. Глаза пощипывало от слез, да и новые были уже на подходе. Что-что, а поплакать Сара любила — редко какой фильм не мог растрогать ее до слез.

И вновь воцарилась тишина. Затем на мост въехала какая-то машина, но Саре и в голову не пришло остановить ее. Она неотрывно смотрела на женщину, настороженно ловя каждое ее движение. Вот только что ей делать, если та все-таки решит прыгнуть? Попытаться удержать? Но так можно и самой свалиться в реку. Она представила, как две их фигурки, распластавшись, летят вниз — совсем как пара цирковых акробатов. Невольно содрогнувшись, она тряхнула головой, чтобы отогнать ужасную мысль.

Незнакомка, наконец, ожила. Рукавом кожаного пальто она вытерла глаза, убирая непрошенные слезы. Затем, даже не взглянув в сторону Сары, женщина резко повернулась и вытащила из кармана ключи от машины. Сара молча наблюдала, как она подошла к автомобилю и распахнула переднюю дверцу.

— Вы уверены, что сможете вести? — спросила она. — Если хотите, я задержусь еще на несколько минут.

Никакой реакции. Усевшись в машину, женщина завела мотор и хлопнула дверцей. Машина резко сорвалась с места, так что шины завизжали на повороте. Не прошло и нескольких секунд, как она скрылась из глаз.

Они даже не успели познакомиться, подумала Сара. Да и к чему? Вряд ли судьба еще раз сведет их вместе. Вдобавок у нее были серьезные опасения, что женщина доедет до следующего моста и оттуда бросится в реку — без досадной помехи в виде хнычущей велосипедистки. И уже на следующий день в газете появится объявление: «У реки найден “фольксваген-битл”. Судьба водителя неизвестна».

Удалось ли ей хоть как-то повлиять на ситуацию? Удалось ли задеть струнку в душе этой странной женщины? Сара не знала. Но если в ближайшее время она не прочтет в газете никаких тревожных объявлений и не услышит по радио о пропавшей женщине, значит, можно утешаться тем, что вмешательство ее не было напрасным. Не исключено, что ей и в самом деле удалось спасти чужую жизнь.

Прислонившись к перилам, она повесила на металлическую планку шарф и глянула вниз. От реки тянуло холодной сыростью. Что если бы это ей пришла мысль броситься в студеную январскую воду? Как же нужно отчаяться, чтобы даже помыслить о таком!

Пытаясь согреться, Сара прижала холодные руки к щекам. Цветной прямоугольник шарфа по-прежнему висел на перилах. Привязать его к ограде, на случай если женщина все-таки вернется за ним? Последнее, впрочем, маловероятно. Можно, конечно, оставить шарф у себя, хотя вряд ли ей хватит духу воспользоваться когда-нибудь этой красивой вещицей. Пожалуй, стоит постирать его и отдать на благотворительность.

Все еще пытаясь справиться с нервной дрожью, Сара вернулась к велосипеду. Шарф она сунула в сумку, к конверту с рекомендациями, которые предусмотрительно заготовила для собеседования. Сейчас уже казалось совсем неважным, получит она эту должность или нет. Подумать только, еще пару часов назад Сара не могла думать ни о чем другом, кроме предстоящего экзамена на профпригодность. Тогда она даже не подозревала, что истинное испытание поджидает ее на пути домой.

Сев на велосипед, она продолжила путь. Разошедшийся дождь крупными каплями барабанил ей по спине и плечам, но Сара уже не обращала на него внимания.

По дороге в Дублин ее немилосердно трясло — и это несмотря на теплое пальто и относительный уют машины. Дворники методично смывали со стекла потеки дождя. Уже на окраине города она обнаружила, что бензин практически на нуле. С наступлением темноты на улицах Дублина стали загораться огни. Встречные машины помигивали яркими фарами. С каждой минутой сумеречный мир становился светлее, и только внутри нее царила непроглядная тьма. Там, где когда-то была ее душа, чернела мрачная бездна.

Главное — не думать, гнать от себя любые мысли. Свернув на заправку, Хелен пару минут растирала онемевшие руки и только потом выбралась из машины. Всю неделю она игнорировала пустеющий бак, в полной уверенности, что ей уже никогда не придется беспокоиться о таких пустяках.

В голове у нее безостановочно крутилась строчка из песни — что-то о том, как неприятно узнать истину в свои семнадцать лет. Эту печальную песенку Джанис Иен крутили утром по радио, пока Хелен кормила завтраком Элис. И вот теперь мелодия ожила, потянув за собой эти жалостливые строки.

На самом деле ты не столько знакомишься с истиной, сколько начинаешь распознавать ложь. В свои семнадцать Хелен знала все на свете: своевольная и жадная до впечатлений, она мечтала перевернуть эту страницу и зажить новой, самостоятельной жизнью. Ей потребовалось еще семнадцать лет, чтобы понять — счастье не вечно, добро редко торжествует над злом, а любовь приходит только для того, чтобы бросить потом в объятия боли.

Наверняка у вас кто-то есть. Кто-то из близких, сказала та женщина на мосту, невольно задев ее за живое. Ей сразу вспомнилась Элис, от которой пахло свежей травой и чем-то перечно-мятным, которая спать не могла без включенного ночника, и чьи пухлые ручонки забавно торчали из рукавов ужасных кардиганов, которые с упоением вязала мать Хелен.

Элис. Это из-за нее Хелен так и не смогла побыть с Кормаком в его последний час, когда он медленно угасал на больничной койке. Будь это кто другой, Хелен бы возненавидела его за это. Но не Элис — ведь она была частью Кормака. Единственным, что он оставил после себя в этом мире.

А все эта дурацкая сыпь, из-за которой Анна, няня Элис, бросилась звонить Хелен. И ей пришлось оставить умирающего мужа, чтобы поспешить к постели дочери. В результате все обернулось не менингитом, а обычным псориазом. Хелен сразу вернулась к Кормаку, но было уже поздно.

Насос заработал, и в воздухе остро запахло бензином. Она бы сделала это. Рывком перебралась через перила и кинулась в реку, подальше от своей никчемной жизни. Ей просто нужно было собраться с духом. Она без раздумий шагнула бы вперед, если б не та назойливая незнакомка. Какая-то непонятная велосипедистка с соломенного цвета волосами, в уродливом брючном костюме.

Убрав насос и закрыв бак, Хелен с размаху хлопнула ладонями по капоту машины, отчего мужчина, заправлявшийся по соседству, вздрогнул и нервно глянул в ее сторону. Хелен, руки которой горели, как от ожога, даже не обратила на него внимания.

Хватит уже лгать: она бы так и так не решилась на это. Да и что взять с трусихи? И та

женщина была ни при чем — она лишь дала Хелен возможность потихоньку улизнуть с моста.

Прислонившись к машине, Хелен плотнее закуталась в кожаное пальто. Ей вновь вспомнились те минуты, когда она стояла у перил, в оцепенении глядя на стремительно несущуюся воду. В какой-то момент она поглубже вздохнула и приготовилась сделать решительный рывок... но тело отказалось ей повиноваться.

Тогда она закурила и принялась яростно дымить, все еще надеясь совершить задуманное. Хелен мысленно проклинала свои упрямые ноги, которые будто застыли на месте. В воображении она раз за разом прокручивала картину будущего прыжка. Но чем больше она об этом думала, тем страшнее ей становилось.

И тут за спиной у нее с легким шумом прокатил велосипед. Хелен даже не оглянулась, поджидая момента, когда вновь останется одна. Но ей не повезло: краем уха она услышала скрип тормозов, а затем и звонкий стук каблучков. Кто бы там ни был, но он явно шел в ее направлении.

Самое забавное, что та женщина наверняка считала, будто это она спасла Хелен жизнь. Ей оставалось только поздравлять себя с тем, что благодаря ее вмешательству такая чудачка, как Хелен, не прыгнула с моста. Откуда ей было знать, что Хелен в действительности спасла — или обрекла на жизнь — ее собственная трусость?

Вот и с шарфом пришлось проститься раз и навсегда. Разве могла она унизиться до того, чтобы забрать его назад? Гордость оказалась сильнее здравого смысла. Дорогой шарф, который Кормак подарил ей на годовщину свадьбы, достался какой-то незнакомке. Еще один удар ко всем ее горестям.

В магазинчике рядом с заправкой она купила два безумно дорогих банана и пакетик жевательных конфет. Бананы она съела сама, пока добиралась до дома родителей. Припарковав машину у кованых ворот двухэтажного особняка, Хелен неспешно подкрасила губы.

Она прекрасно знала, что на вторую попытку ее не хватит. Она и так подошла к самому краю, а затем отшатнулась назад. Увы, но ей не доставало той силы воли, которая требовалась для решающего шага. Мысль об этом не принесла облегчения. Напротив, ей стало только хуже, когда она поняла, что сбежать не удастся.

Уж не Элис ли послужила причиной ее сегодняшней неудачи? Может, невзирая на смешанные чувства, которые она испытывала к дочери, между ними по-прежнему существовала какая-то глубинная связь? И это она не дала Хелен преждевременно уйти из жизни. Мысль о родителях точно не удержала бы ее на краю.

На улице все еще лил дождь. Поплотнее закутавшись в кожаное пальто Кормака, Хелен поспешила к главному входу.

— Почему так поздно? — спросила мать, открывая ей дверь. — Ты же сказала, что вернешься в пять. Нам пришлось уложить ее спать.

— У меня кончился бензин.

Не задерживаясь, Хелен прошла в просторный коридор с вешалкой из орехового дерева. По пути она обогнула мраморный столик, служивший подставкой для элегантного телефона и ключей от отцовского «роллс-ройса». Они и сейчас лежали здесь, на его кожаных перчатках.

— Знаешь, — сказала мать, касаясь нитки жемчуга у себя на шее, — это пальто смотрится на тебе просто ужасно.

Хелен зашагала вверх по лестнице.

— Элис в моей комнате?

— Хелен, девочка *спит*. Ты же не можешь тащить ее на такой холод — это нечестно по отношению к ребенку.

А разве честно, что ребенок остался без отца? Разве честно, что родная мать девочки время от времени задается вопросом, не придушить ли ее подушкой?

— Ничего страшного, она может поспать и в машине. А если проснется, дам ей жевательных конфет.

Мать тяжело вздохнула у нее за спиной, однако спорить больше не стала. Пожалуй, это было единственным плюсом в ее ситуации: когда ты овдовела в тридцать два, окружающим так или иначе приходится быть снисходительнее. Они вынуждены уступать — хотя бы и на время.

Распахнув дверь в свою старую спальню, Хелен прошла по толстому ковру к постели, где спала дочь. Элис лежала на спине, слегка повернув голову в сторону окна. Того самого, у которого Хелен часто покуривала подростком — разумеется, втайне от родителей.

Первым делом она подхватила маленькие черные ботинки и только потом подняла на руки Элис — комочек, закутанный в шерстяное одеяло. Та что-то недовольно пробурчала, но Хелен, не обращая внимания на ее протесты, вышла из спальни и поспешила к лестнице.

Внизу уже стоял ее отец.

— Я возьму девочку, — сказал он, протягивая руки. Матери поблизости не было. Должно быть, сидит, надувшись, у себя в гостиной.

По крайней мере хоть тут с ней не будут спорить. Хелен передала ему дочку и первой направилась к машине. Элис уложили на заднее сиденье, плотно закутав теплым одеялом. Отец Хелен тихонько прикрыл дверцу, после чего подошел к месту водителя.

— Ты уже думала о том, чем собираешься заняться? — спросил он, придерживая рукой дверцу, чтобы дочь не успела ее захлопнуть. Следует инструкциям матери, догадалась Хелен. Три жалкие недели — вот все, что они отвели ей на траур по мужу.

— Заняться? — Хелен недовольно взглянула на отца.

— Я про работу. На что ты собираешься содержать Элис?

— Пока не думала, — ровным тоном ответила она. — Мне хватало других забот.

Отец вскинул руку, предупреждая любые возражения. Должно быть, точно также осаживал он в суде адвокатов и преступников, подумала Хелен.

— Я вовсе не утверждаю, что ты должна решить прямо сейчас, — заявил он. — Просто... мы с мамой хотели бы помочь тебе...

— Я знаю.

— Мы охотно присмотрим за Элис, если ты займешься поисками работы. Нам это будет только в радость.

— Знаю.

— А если весь вопрос в деньгах, и ты хочешь пройти обучение...

— Нет. Прости, папа, но мне нужно уложить Элис. — Хелен завела мотор, вынуждая отца отпустить дверцу. — Я позвоню вам, — глядя прямо перед собой, она выехала на дорогу и повернула налево. Гневным жестом откинула волосы с лица. Три жалкие недели.

Элис захныкала на заднем сиденье.

— Ш-ш, — сказала Хелен, даже не повернув головы.

Правда состояла в том, что ей действительно требовались деньги. Кормак был плохим

добытчиком: жил он от выступления к выступлению, подрабатывая со своими ребятами в клубах и на танцплощадках, как другие группы того же уровня. От Хелен тоже было мало проку. И они то пили дорогой виски, заедая его нежнейшим бифштексом, то пытались наскрести немного мелочи на пинту молока. Не было у них ни страховки, ни сбережений.

Появление Элис заставило их немного одуматься, и тратить они стали с большей осмотрительностью. На смену бифштексам из говяжьей вырезки пришли свиные отбивные, а в холодильнике всегда хранился приличный запас молока. Кормак даже открыл небольшой счет на имя Элис, умудряясь перечислять туда каждый месяц крохотные суммы. У них по-прежнему случались загулы — когда выпадала возможность регулярных концертов или в случае заработка покрупнее. Но Хелен с Кормаком очень скоро убедились, что маленькие дети и похмелье — вещи несовместимые.

А потом произошло немыслимое, и Кормаку поставили этот ужасный диагноз. После этого деньги окончательно отошли на второй план. На протяжении нескольких месяцев Хелен жила одним днем. Она извлекала пятифунтовые банкноты из писем, отправленных сочувствующими родственниками, а при необходимости снимала кое-какие деньги с их мизерного счета. То, что откладывалось на обучение Элис, она старалась не трогать.

Нужда заставила ее продать даже те немногие украшения, которые у нее имелись. Стоили они мало, и принять их согласились только в одном ломбарде. В тот день Хелен рассталась со своими кольцами — свадебным и обручальным, с аметистовым ожерельем, доставшимся ей от бабушки, золотыми сережками, подаренными накануне свадьбы матерью Кормака, и серебряным кулоном — подарком бывшего ухажера.

Как бы ни была ненавистна ей эта мысль, но они вряд ли бы выжили без тех хрустящих пятидесятифунтовых банкнот, которые время от времени вручал ей отец. Ему и в голову не приходило, что лишь в самых дорогих магазинах соглашались разменять эти купюры при покупке хлеба на тридцать пенсов. Хелен сдержанно благодарила отца за помощь и старалась растянуть деньги на возможно более долгий срок.

В начале января, за неделю до смерти Кормака, в больницу заглянул Рик, саксофонист группы.

— Это от всех нас, — пробормотал он, вручая Хелен конверт. Внутри лежали десять потрепанных двадцатифунтовых банкнот. При виде их Хелен разрыдалась, отчего бедняга Рик засмутился еще больше.

Миновав Стонибаттер, Хелен притормозила перед небольшим домиком, который Кормак унаследовал от бабушки. «Мы хорошо ладили, — сказал он Хелен, — и бабуля все время обещала оставить мне свой дом. Я думал, она шутит, а оказалось, нет».

По соседству жили те, кого мать Хелен именовала не иначе как *рабочим классом*. Дома на их улице были старыми, перегородки — тонкими, комнаты — две на первом этаже и две на втором — маленькими и с низкими потолками. Лестницы были ужасно крутыми, а садики — крохотными. Установленные Кормаком нагреватели съедали массу электричества, хотя тепла почти не давали. Но это было единственное место, которое Хелен считала своим домом.

Она занесла внутрь хнычущую Элис и потащила ее наверх, на второй этаж.

— Тише, — выдохнула Хелен, пинком открывая дверь в спальню.

— Но мне холодно!

— Ничего страшного. В постели быстро согреешься.

Спустившись вниз, она распахнула дверцу над холодильником и извлекла оттуда остатки

бренди, принесенного кем-то из многочисленных визитеров. За последние несколько недель в доме перебивала куча народу. Они приходили в воскресных костюмах, осторожно усаживались на краешек стула и разговаривали полупшепотом, как будто шум мог убить Кормака скорее, чем рак.

Вытащив из бутылки пробку, она прошла в гостиную, где было по-настоящему холодно. На стене висело изображение Пресвятого Сердца — единственное, что напоминало в их доме о бабушке Кормака. Хелен бросила взгляд на лицо Иисуса, которое смотрело на нее с привычной безмятежностью. «Я все еще здесь, — сообщила ему Хелен. — Как, впрочем, и ты».

Первым делом она подошла к камину и подняла оставленный накануне конверт. *Моим родителям* — неужели она написала это только вчера вечером? Такое чувство, что с того момента прошла целая вечность. Открыв конверт, Хелен вытащила листок, на котором чернела пара строчек:

Надеюсь, вы простите меня за то, что я собираюсь сделать. У меня больше нет сил. Позаботьтесь, пожалуйста, об Элис.

Ни подписи, ни приветствия. Ее общение с родителями всегда сводилось к нескольким фразам. Что уж говорить про родственные чувства? Если взглянуть со стороны, ее воспитанию могли бы позавидовать многие. У родителей Хелен была масса денег — они буквально купались в них. Все благодаря невысказанно высокому заработку ее отца. И Хелен, как их единственное дитя, ни в чем не знала отказа.

Вот только им и в голову не могло прийти, что дорогие вещи и вкусная еда — далеко не все, в чем нуждалась их дочь. Ей требовалась хотя бы капелька привязанности с их стороны, но этого-то они и не могли ей дать. Хелен не помнила ни единого поцелуя на ночь, ни одного искреннего слова любви. Они всегда пренебрегали такой мелочью, как родительские объятия. Всю жизнь она чувствовала себя нежеланным ребенком, появившимся на свет против воли родителей.

Разорвав в клочки письмо и конверт, она швырнула бумажки в камин, на кучу вчерашней золы. Одним глотком опрокинув в себя бренди, Хелен закашлялась, пытаясь справиться со жжением в горле.

В зеркальце над камином она поймала отражение своего лица и невольно поежилась. Острые, как лезвия, скулы — в последние дни только Элис питалась в этом доме регулярно. Глубокие тени под глазами — свидетельство ее бессонных ночей. И пугающая пустота в глазах — явный признак того, что в душе ее что-то умерло.

Собрав волосы в пучок на затылке, Хелен какое-то время разглядывала себя в зеркало. Затем она вернулась на кухню и достала из ящика ножницы.

Медленно раздевшись, она свалила одежду прямо на столе. На полу, на потертом линолеуме, она расстелила листы вчерашней газеты, после чего встала в центре этого прямоугольника. Босые ноги мгновенно озябли на холодном полу. Взяв ножницы, Хелен принялась методично обрезать волосы. В зеркало она даже не смотрела. Звяканье ножниц странным образом походило на мурлыканье кошки. Пряди волос скользили по обнаженным плечам и падали на газетные листы.

Покончив с этой процедурой, она вернулась в гостиную и взглянула на себя в зеркало. Правая сторона оказалась короче левой, зато макушка выглядела неестественно высокой.

Благодаря изможденному лицу и пустому взгляду, Хелен стала похожа на куклу, хозяин которой в гневе откромсал ее локоны.

Но Кормак обожал ее волосы, и теперь каждый взгляд на них отдавался в ее сердце болью. Ей вспоминалось, как он перебирал ее кудри, когда они кружились в медленном танце, как мыл и массировал их, когда они умудрялись втиснуться вдвоем в их крохотную ванну. Может теперь, когда она состригла это ужасное напоминание о прошлом, у нее появится шанс выжить?

Самой Хелен плевать было на то, как она выглядит, но и привлекать к себе лишний раз внимание ей тоже не хотелось. Завтра она возьмет пару купюр из изрядно отощавшего конверта Рика и заглянет в парикмахерскую, где с нее снимут остаток кудрей. Нужно только подыскать местечко попроще, где с тебя не сдерут за стрижку целое состояние.

Опустившись на пол, Хелен легла на невысказанно яркий, оранжево-желтый ковер, который Кормак купил за полгода до их знакомства. Повернувшись на бок, она подтянула колени к груди и крепко обхватила их руками. От стылого воздуха по коже побежали мурашки, но Хелен лежала так до тех пор, пока из соседнего дома не донеслись обрывки национального гимна, который наигрывали по телевизору.

Содрогаясь от холода, она медленно поднялась на ноги. Уже на кухне, сворачивая газетные листы, Хелен наткнулась взглядом на колонку с вакансиями. Она развернула страницу и начала просматривать объявления: *зубной техник, машинистка, водитель автобуса, швея, секретарша, официантка, крановщик.*

Скомкав страницу, она бросила ее в общую кучу. Ничего из того, чем она могла бы заняться. Разве что устроиться официанткой. Кто угодно способен донести тарелку из точки А в точку Б, но Хелен не хотелось тратить на это время. Ей вообще не хотелось ничего делать.

В свое время, к полному разочарованию родителей, она решительно отвергла саму идею о высшем образовании. «Ты хоть представляешь, сколько девушек отдали бы все на свете, лишь бы иметь возможность поступить в университет?» — недовольным тоном поинтересовался ее отец. Хелен так и подмывало сказать, чтобы они отправили учиться вместо нее одну из этих девушек. Но она прикусила язык, а в дальнейшем так и не поддалась на уговоры родителей.

Тогда отец предложил ей занять должность секретарши в фирме его брата, но и эта возможность не вызвала у Хелен ни малейшего восторга. Она не жаждала работать в месте, где все знали ее как племянницу босса. И она сама подыскала себе работу — за прилавком крупного магазина, в отделе по продаже перчаток.

Не сказать, чтобы Хелен была перегружена обязанностями — большую часть времени ей приходилось безбожно скучать. Но зарплаты вполне хватало на то, чтобы снять себе комнату в общежитии, а на остаток гульнуть как следует в выходные.

В свои двадцать семь Хелен меньше всего задумывалась о браке. С какой стати терять свободу в обмен на какое-то кольцо? Но в один прекрасный день в магазин заглянул двадцативосьмилетний Кормак Фицпатрик. Пришел, чтобы купить в подарок матери перчатки. И пока Хелен заворачивала понравившуюся ему пару, он недолго думая пригласил ее на ужин.

Не прошло и полгода, а она уже жила у него дома. Они яростно отстаивали достоинства The Beatles (Кормак) и The Rolling Stones (Хелен) и вдохновенно обсуждали политику. Тут, к счастью, взгляды их совпадали: оба тяготели к левым партиям и неодобрительно относились

к тому влиянию, которым пользовалась в стране католическая церковь. И Хелен хотелось только одного: взять фамилию Кормака и до конца жизни носить на пальце его кольцо.

Она не пропустила ни одного выступления их группы, следуя за ними по бальным залам и танцплощадкам, которых было великое множество в Дублине и его окрестностях. А ведь прежде она с исключительным презрением относилась к музыке, исполняемой подобными группами — этой неммыслимой смеси из джаза, кантри и попсы. В ней не было ни накала Led Zeppelin и Procol Harum, ни яростного вдохновения Grateful Dead и The Doors.

Но Хелен было плевать. Играй Кормак органную музыку в соборах Ирландии, она бы и тогда как зачарованная сидела в первых рядах. Этот парень буквально околдовал ее. Хелен неотрывно наблюдала за его выступлением, полностью игнорируя других музыкантов. От нее не ускользало, как посматривали на Кормака и других ребят женщины в зале — ярко размалеванные, с накладными ресницами. Ее так и подмывало стереть улыбки с этих накрашенных губок. Она с нетерпением ждала момента, когда танцы закончатся, все разойдутся по домам, а Кормак наконец-то спустится к ней со сцены.

Разумеется, родители Хелен пришли в ужас, когда узнали про Кормака. Мало того, что единственная дочь их жила во грехе — это было еще полбеды. Куда хуже, что избранник ее не мог похвастаться ни богатством, ни положением в обществе. Но Хелен мало интересовало мнение родителей. Она думала только о Кормаке и своей новой жизни.

Через год они все-таки поженились. Отправляясь с Кормаком под венец, Хелен не без оснований подозревала, что носит его ребенка. И точно: через семь месяцев у них родилась Элис. Это стало новым ударом для ее родителей: сначала она выходит за бедняка-музыканта, а потом оказывается, что он успел ее обрюхатить!

На восьмом месяце беременности Хелен бросила работу в магазине. Боссу она сказала, что уже не вернется. В душе тот наверняка был только рад: с Хелен они ладили хуже некуда, но ей хватало осторожности не доводить дело до увольнения. Не очень-то ее привлекала перспектива стать настоящей домохозяйкой, но выбора не было. Придется подождать, пока Элис пойдет в школу, а уж там она подыщет себе работу по душе. Пока же приходилось перебиваться случайными заработками Кормака.

Но Кормак умер, и это значило, что Хелен придется подыскивать способ прокормить себя и Элис. А она понятия не имела, куда ей можно приткнуться.

Сунув газету в мусорную корзину, Хелен подхватила со стола одежду и зашагала наверх, в свою одинокую спальню.

— Да не собиралась она кончать с собой. Это просто был крик о помощи, — Кристина с опаской понюхала кусочек печенья. — Тут есть имбирь?

— Нет. Почему ты решила, что она не планировала себя убить?

— Из-за шарфа.

Сам шарф, аккуратно сложенный, лежал тут же на столе.

— Ясно же, что она оставила его на мосту намеренно. В расчете на то, что кто-нибудь его заметит и остановит ее. Что, собственно, ты и сделала.

— Но почему тогда она не забрала шарф обратно? Несмотря на мои уговоры?

Кристина пожалала плечами.

— Может, он ей просто надоел.

Сару ее слова не убедили. Женщина на мосту выглядела так, будто она и правда дошла до точки. Но за прошедшие пять дней Сара ни разу не встретила в газете объявления о брошенной машине или найденной в реке утопленнице. Похоже, незнакомка все-таки отказалась от своего замысла.

Кристина бережно погладила мягкий шелк.

— Чудесная вещица. Точно не хочешь оставить себе?

— Совершенно точно. Не думаю, что смогла бы его носить.

— Что ж, тогда я забираю, — открыв сумочку, она убрала шарф. — Ну как, довольна, что получила эту работу?

— Я в восторге.

Днем раньше она получила официальное уведомление о том, что ей предлагается работа главного повара в доме престарелых Святого Себастьяна. Подписано оно было секретарем правления, которого Сара не видела на собеседовании. К работе ей следовало приступить как можно скорее.

Дядя Джон, у которого она до сих пор работала, не слишком расстроился, узнав об ее уходе. «Пора уже тебе расправить крылья, — заявил он. — Из тебя получится замечательный шеф-повар, можешь даже не сомневаться. Дай мне только недельку или две, чтобы подыскать замену». И больше они к этому не возвращались.

Итак, она становилась полноправной хозяйкой на кухне в доме престарелых, где каждый день ей вменялось в обязанность кормить двадцать семь постояльцев. Рабочий день ее начинался в половине девятого, а заканчивался в половине пятого. И так с понедельника по пятницу. В выходные кухня переходила в распоряжение другого повара. В девять часов подавали завтрак, в час — обед, а закуску к чаю ей надо было готовить заранее, поскольку столы накрывали уже после ее ухода, в половине шестого. Сара знала, что в ее распоряжение поступают помощница и младший повар, которые во всем будут слушаться ее приказов.

В течение недели дядя Джон нашел ей замену, и Сара позвонила в дом престарелых, чтобы сообщить, что приступает к работе уже с понедельника. И чем ближе было к назначенному сроку, тем сильнее росло ее беспокойство.

Что если помощница проработала там не один год и с недовольством отнесется к приходу новенькой? А вдруг у Сары что-нибудь подгорит в первый же день или она приготовит слишком мало еды? Что если постояльцы получают расстройство желудка из-за недожаренной курицы или первая же партия печенья окажется никуда не годной?

Не слишком ли она поспешила, заявив претензии на должность шеф-повара? Может, стоило поработать еще пару лет в гостиничной кухне или устроиться в какой-нибудь ресторан в качестве помощницы? Слишком уж большая ответственность ложится на ее плечи. А вдруг она всех подведет?

Родители, в отличие от нее, были настроены более оптимистично.

— Мы гордимся тобой, детка, — сказала мать. — Не каждому доверят управлять целой кухней в двадцать четыре года. Это большая честь для тебя.

— Ничего, она справится, — откликнулся из-за газеты отец.

— Конечно, справится! В этом я даже не сомневаюсь.

Их обоих потрясло известие о встрече на мосту с загадочной незнакомкой. Сара поначалу вовсе не хотела упоминать о случившемся, но слова так и полились из нее, когда она добралась наконец до дома.

— Я понятия не имела, что можно сказать в такой ситуации. Все боялась ляпнуть какую-нибудь глупость.

— Ей повезло, что ты проезжала мимо, — заверили ее родители. — Ты сделала то, что сделал бы любой на твоём месте. А теперь иди и переоденься в сухое, — добавила мать. — А то заболеешь еще воспалением легких. Не понимаю, почему ты не позволила отцу подвезти тебя до дома?

На этом, собственно, эпизод и был исчерпан.

Но Сара никак не могла забыть о случившемся. Каждый раз, укладываясь в постель, она заново вспоминала злополучную встречу. Что бы там Кристина ни говорила, это не было похоже на крик о помощи. Она отчетливо видела измученное лицо женщины — ее пустые, без выражения, глаза, резко очерченные скулы. Разве так выглядит человек, который добивается внимания?

Что же довело ее до такого ужасающего состояния? Возможно, разбитое сердце. Или предательство близкого человека. А может, у нее обнаружили неизлечимую болезнь, и она решила не дожидаться мучительного конца. В любом случае Сара никогда не узнает правды.

Потом наступил понедельник, и Сара отправилась на новую работу. Встреча с женщиной на мосту отошла понемногу на второй план. К своей несказанной радости Сара очень быстро обнаружила, что годы работы в гостиничной кухне не прошли даром, и она без труда могла справиться с новой должностью.

Она вникала во все детали работы, от планирования еженедельных меню и заказа продуктов до приготовления блюд и сервировки стола. С самого начала она взяла за правило приходить в столовую к концу обеда, чтобы поболтать со старичками и поинтересоваться их мнением насчет еды. Не забывала она заглянуть и в комнаты к тем, кто не способен был есть за общим столом.

В целом ее приняли весьма дружелюбно. Юный возраст Сары не прошел мимо внимания местных обитателей, однако все они оценили ее старания. Им льстило внимание Сары, и они охотно делились с ней своими предпочтениями — а заодно и жизненными историями, если у нее хватало времени их выслушать. Сара, в свою очередь, тоже прониклась к ним симпатией и с охотой придумывала все новые и новые блюда.

Уже через неделю она поняла, что сделала правильный выбор, когда решила устроиться на работу в дом престарелых. Это место подходило ей как нельзя лучше.

Но самое главное, у нее была Бернадетта — энергичная помощница лет шестидесяти, работавшая в приюте Святого Себастьяна с момента его основания. А было это еще в

пятидесятых годах. Бернадетта не изъявляла ни малейшего желания занять должность босса. «Мне сподручней выполнять чужие распоряжения, — заявила она Саре. — Вы только скажите, что сделать, и я сделаю».

Само собой, Бернадетта знала все, что касалось местной кухни — в частности, где что лежит. И она не выказала ни малейшего недовольства, когда Сара попросила организовать все заново — так, чтобы ей было удобнее с готовкой.

«Такого молодого начальника у меня еще не было, — сказала она Саре к концу первой недели. — Но ты знаешь, что важно, а что нет. Предыдущий повар и нося не казал в общую столовую. Тебя тут все полюбили, даже Мартина».

В этом Сара сильно сомневалась. Мартина была из тех, кто сможет придраться даже к лучшему блюду в лучшем из ресторанов. Она уже известила Сару, что говядина была пережарена, а от выпечки у нее началась изжога.

Но на каждую Мартину здесь приходилось с полдюжины Стивенов Флэннери.

«Ты действуешь на меня лучше, чем все таблетки в мире, — сказал он Саре, сжимая ее руку в своих дрожащих ладонях. — Я готов переплыть океан ради твоих фруктовых булочек».

Стивену было тридцать девять, когда у него диагностировали болезнь Паркинсона. К своим шестидесяти шести — в год знакомства с Сарой — он успел превратиться в дряхлого, трясущегося старика. Но ему и в голову не приходило жаловаться на жизнь или жалеть себя.

Еще она познакомилась с Джимми Дуэном. Тот охотно наигрывал на своем стареньком аккордеоне «Горы Морн» и «Вернись в Ирландию» всякий раз, когда его об этом просили (а порой и не дожидаясь просьб). Или взять бедняжку Дороти Фелан, которая уже почти не говорила. Она перестала узнавать даже собственную дочку, но с искренней теплотой улыбалась Саре, когда та заходила к ней в комнату, чтобы порадовать свежим десертом или кусочком имбирного пирога.

Сара очень быстро полюбила своих старичков. Давно уже работа не доставляла ей такого удовольствия. Женщина с курчавыми волосами приходила ей на ум дважды в день, когда она переезжала на велосипеде через мост. Ежедневно она накручивала три мили, добираясь до дома престарелых и обратно. Поначалу эпизод вспоминался очень отчетливо, но затем образы начали тускнеть, а потом и вовсе скрылись в глубине памяти, где и пролежали нетронутыми долгие месяцы и даже годы.

— Мама.

— Подожди минутку, — ответила Хелен, просматривая статью.

С каждым словом раздражение ее все росло. Неуклюжие метафоры, избитая риторика — ничего, что могло бы зацепить внимание читателя, заставить его задуматься. Она бросила взгляд на подпись: написано мужчиной, как и девяносто процентов других статей. Свернув газету, Хелен снова убрала ее на полку. Дай ей шанс, и она бы написала во сто крат лучше. Но не для такой газетенки — нашла бы что-нибудь попроще.

— Мама, купи конфеток.

— Сейчас, сейчас. Подожди секундочку.

Хелен всегда нравилось читать. Она умудрилась проглотить кучу романов в те часы, которые были отведены ей на приготовление уроков. Это увлечение сохранилось и после школы. Она читала запоем — до тех пор, пока у Кормака не обнаружили рак. И тут вдруг оказалось, что она не может сосредоточиться даже на газетной статье, не говоря уже о книге.

Английский язык был единственным предметом в школе, к которому она испытывала хоть какой-то интерес. *Хелен умело выстраивает фразы* — подобные отзывы учителей были для нее настоящей редкостью. Обычно родители просматривали ее оценки с плохо скрываемым недовольством.

Она и правда умело выстраивала фразы. В старших классах Хелен написала пару статей в школьный журнал. В одной из них она посмеялась над новой куклой Барби: *Наверняка эту куколку создал мужчина*, писала она. *Если бы у женщины была такая большая грудь и такая узенькая талия, она бы падала на каждом шагу. Тем не менее это считается образцовой игрушкой для маленьких девочек.*

Хелен не осталась равнодушной к той волне интереса, которую вызвали ее наброски среди одноклассников. А уж до чего здорово было увидеть собственное имя, напечатанное в настоящем — пусть и школьном — журнале!

Почему же она не продолжила писать? Почему не сделала это своей профессией? Даже те, самые ранние, статьи ее были куда лучше той писанины, которую она только что прочла. Писанины, за которую кому-то заплатили неплохие деньги.

Хелен подает надежды — таким был отзыв еще одного учителя английского языка. По этому предмету она получила итоговую четверку, хотя никогда не занималась английским всерьез. Да, она подавала надежды, но ничего не сделала в этом направлении.

Возможно, пришла пора начать все заново.

— Мама.

— Идем.

Изучив полки с прессой, она обнаружила газету, которую пролистывала до того, как вообще бросила читать. Как ни странно, ей же отдавали предпочтение родители Хелен, с которыми у нее, по известным причинам, практически не было ничего общего. Пролистав страницы до колонки «Редакция», она обнаружила имя *М. Брин*. Именно он издавал эту газету с незапамятных пор, так что мог считаться уже едва ли не членом их семейства. Как же звали мистера Брина? Этого Хелен не знала. Возможно, он предпочитал ставить лишь первую букву, поскольку думал, что так его подпись выглядит элегантнее. А может, родители окрестили его Мортимером или Монтгомери.

Так почему бы ей не написать что-нибудь и не отправить мистеру Брину? А вдруг, ему понравится, и он напечатает это в своей газете? Нужна ли вообще квалификация, чтобы писать статьи? У Хелен был только один способ узнать это.

Но для начала нужно выбрать интересную тему — такую, в которой бы она хорошо разбиралась. Хелен прекрасно знала, что значит овдоветь в тридцать с небольшим. Она могла бы многое рассказать о том, каково это — наблюдать, как твой муж медленно угасает, а затем и вовсе уходит из жизни. Даже сейчас, спустя полгода, боль ее казалась такой же острой. Но это не то, что нравится читать большинству людей за утренним тостом и мармеладом.

Ей ничего не стоило описать тот день, когда она приехала на мост, чтобы покончить со своим жалким существованием. Абзац за абзацем, рассказала бы она и о нежелании жить, и о чудовищном осознании того, что у тебя нет мужества сделать решительный шаг. Но опять же, кто захочет начать свое утро с чужого кошмара?

Нужно выбрать что-то легкое, но при этом занимательное. Что-то такое, что развлечет, но и доставит пищу для ума.

А как насчет жизни простой продавщицы? За годы работы в магазине она навиделась всякого. Это и долгие часы на ногах, и немыслимо короткие перерывы на отдых, и необходимость поддерживать униформу в безупречном состоянии — даже если для этого приходилось стирать ее вручную глубокой ночью. Хелен могла бы написать о том, как это обидно, когда ты трудишься часами, а получаешь вдвое меньше, чем продавец-мужчина за ту же самую работу.

С другой стороны, в ее памяти накопилось немало забавных встреч с покупателями; бесед, которые вполне могли бы развлечь читающую публику.

Но для начала нужно придумать псевдоним, чтобы никто из бывших коллег по работе не догадался, что пишет именно она. Подписаться «Фицпатрик» или «Д'Арси» нельзя — они сразу узнают ее мужнюю и девичью фамилии. Почему бы не использовать тогда фамилию бабушки? Решено, она будет «О'Дауд».

— Хелен О'Дауд, — сказала она, обращаясь к Элис. — Ну как, тебе нравится?

Элис недовольно покачала головой.

— Я есть хочу.

— Ладно, идем домой.

Она напишет статью и отошлет ее в газету. А если статью отклонят, напишет другую. Будет доносить мистера Брина, пока тот не сдастся.

Чем больше она думала об этом, тем сильнее привлекала ее подобная идея. Она могла бы писать днем, когда у Элис тихий час, и вечерами, отправив дочку в постель. Поскольку работать можно и дома, помощь няни ей не потребуется. К родителям она обращаться тоже не станет. А если надо будет взять интервью, она вполне сможет сделать это по телефону.

Еще проще станет, когда Элис пойдет в школу. А время это уже не за горами — осталось каких-то два месяца. Когда же Хелен снова начнет читать книги, она вполне сможет накатать несколько рецензий. Итак, к тридцати трем годам перед ней откроется абсолютно новая карьера!

А может, и нет. Может, начав писать, она обнаружит, что здорово переоценила свои таланты. Но даже если все у нее пойдет на лад, не исключено, что работа не сделает ее счастливее. Не облегчит и не уменьшит эту мучительную боль. Но как бы то ни было, Хелен нужно зарабатывать деньги, а статьи дают ей такую возможность. Не исключено, что у нее и правда талант к сочинительству.

На кассе она заплатила за газету и пакетик жевательных конфет для Элис. Уже на улице она замерла перед витриной, вглядываясь в собственное отражение.

Самой Хелен даже нравилась ее новая прическа. Никакой тебе возни — посушил после мытья полотенцем, вот и все. Но нужно было видеть, как взглянула на эту стрижку ее мать!

— Самое время для перемен, — сказала Хелен, как будто ее о чем-то спрашивали. К счастью, мать не стала донимать ее замечаниями.

С парикмахером Хелен повезло. Он сделал все, чтобы навести относительный порядок на ее голове, и взял за это весьма умеренную плату. Она, в свою очередь, не поскупилась на чаевые.

Она повела домой Элис, прокручивая в голове отрывки из будущей статьи.

На ужин они отправились в гостиницу к дяде Джону, на ее старое рабочее место. Подумать только, она не была здесь целых девять месяцев! Они всегда приходили ужинать в эту гостиницу, когда у кого-то из них был день рождения.

Шел 1975 год. Америка наконец-то признала свое поражение в войне и начала вывод войск из Вьетнама; трое ирландских музыкантов стали жертвой боевиков; а во главе британских консерваторов впервые встала женщина. Мир был полон перемен, новости сыпались одна за другой, а их праздничные торжества шли своим чередом. Неужели и свой шестидесятый день рождения она будет отмечать здесь же, в компании разве что Кристиных детишек, которые из жалости устроят вечеринку своей незамужней тетушке?

Подарки, впрочем, ее порадовали. Родители подарили Саре черную куртку, которую она выбрала еще на прошлой неделе. Не слишком модная, зато удобная — с молнией и капюшоном. Самое то, чтобы ездить на велосипеде. В коробочке Кристины она нашла парочку браслетов, а Брайан вручил ей закладку для книг.

— Как только поженитесь с Кристиной, — сказала она Брайану, — сможете дарить мне один подарок на двоих. Это избавит тебя от необходимости выбирать!

— Хочешь сказать, это избавит мою мать от необходимости выбирать, — улыбнулся он. — Я полный ноль во всем, что касается подарков!

— Ну, с моим подарком ты попал в точку, — возразила Кристина.

— Это потому, что ты сделала кучу намеков. Нужно было быть слепым и глухим, чтобы не понять, о чем идет речь.

— Уж точно.

Сара наблюдала за парочкой с легкой завистью. До чего же повезло ее сестре! Она не только нашла себе парня по душе, но и сумела стать для него единственной. Казалось бы, что может быть проще? Но вот она, Сара — двадцать пять лет, и ни одного кандидата в мужья.

Если не считать, конечно, загадочного Нила Флэннери, сына того самого Стивена Флэннери, которому Сара готовила в доме престарелых. И пусть ей пока не удалось встретиться с молодым человеком, Сара предпочитала не отчаиваться.

Стивен был настроен оптимистично.

— Из вас получится отличная пара, — не раз повторял он Саре. — Нил — прекрасный паренек, только не встретил пока свою половинку. И он примерно того же возраста, что и ты.

Его жена Нуала, впрочем, тут же начинала шикать на него:

— Перестань, не вгоняй Сару в краску. Наверняка она способна найти себе приятеля без нашей помощи.

Нуала часто навещала мужа, едва ли не через день. Дом их находился в небольшом городке, в двадцати милях от дома престарелых. Она часами просиживала у постели Стивена. Их единственный сын, этот загадочный Нил, всю неделю работал садовником и посещал отца только по воскресеньям, когда у Сары был выходной.

— Скоро он приступит к работе на нашей улице, — сообщил ей Стивен. — Он уже сказал, что будет заглядывать ко мне почаще. Вот тогда-то вы с ним и познакомитесь.

— Ш-ш, хватит об этом, — машинально произнесла его жена.

Каково это, думала Сара, столкнуться с тем, что болезнь настигает твоего супруга в расцвете лет? Смотреть, как он гаснет и усыхает, и в итоге сдать его в дом престарелых,

поскольку сам ты уже не в силах присматривать за ним?

— Мы были бы только рады, если бы Стивен мог оставаться дома, — сказала ей как-то Нуала, когда они вместе выходили на улицу. — Но болезнь зашла слишком далеко. Вдобавок, это нечестно по отношению к Нилу. В конце концов, у мальчика своя жизнь. Да и работа отнимает у него много времени и сил.

Ужасно, когда муж и жена вынуждены существовать отдельно. Они уже не просыпаются вместе по утрам и не садятся за общий ужин. Разве можно назвать это полноценным браком?

Одиночество было уделом многих из тех, кто обитал в доме престарелых. Саре не раз случалось всплакнуть, услышав очередную историю чьей-либо жизни. И все же она не сомневалась, что сделала правильный выбор, когда устраивалась сюда на работу: в ее силах было улучшить жизнь этих людей, пусть даже ненамного.

Она окинула взглядом тех, кто сидел с ней за одним столиком. Как же ей повезло, что у нее была любящая семья! Сара улыбнулась при виде шоколадного торта, который ввезли на специальном подносе. Ее всегда чествовали шоколадным тортом, а Кристину — кофейным.

Все взгляды были устремлены теперь на Сару: пришла пора задуть праздничные свечи. Будь она замужем, сама бы готовила на всех ужин. А пока что к ней по-прежнему относились, как к ребенку, чей день рождения организуют родители.

Задув свечи, она рассеянно наблюдала за тем, как мать ее потягивает коктейль — единственный алкогольный напиток, который она позволяла себе на чей-либо день рождения. Потом отец ее, как всегда, выступил с шутливой речью. Он поведал о том, как много ему приходится работать, чтобы позволить себе такой вот праздничный ужин. Они с Мартой, сказал он, кивая на жену, ждут не дождутся, когда смогут выйти на пенсию. И пусть тогда дети поддерживают их, а не они детей! Все то же каждый год — те же речи, те же люди.

— Теперь уже недолго ждать, — сказал Саре отец. — Благодаря твоей новой работе и скорому замужеству Кристины, мы с мамой можем со дня на день отправиться в кругосветное путешествие.

— Лучше подождать, пока Сара не напишет свой бестселлер, — хмыкнул Брайан.

— Теперь уже со дня на день, — добавила Кристина, разрезая праздничный торт.

— Смейтесь, сколько угодно, — сказала Сара, — но я и правда собираюсь написать книгу!

Так оно и было. Нужно только найти время. Вот закончит завтра работу и приступит. Ну или в ближайшем будущем. Сочинит трогательную историю, действие которой будет развиваться в поместье со множеством слуг — такие романы всегда пользуются популярностью.

Вместе с остальными она пропела «For She's A Jolly Good Fellow», втайне размышляя о том, удастся ли ей когда-нибудь встретиться с Нилом Флэннери. Не исключено, что ее ждет большое разочарование, и он окажется совсем не ее типом. Но узнать все равно интересно.

Желание ее осуществилось очень скоро. Уже в следующую пятницу, помогая Донне, их младшей поварихе, убираться после обеда на кухне, Сара случайно выглянула в окно и увидела Нуалу Флэннери. Та, как обычно, приехала навестить мужа. Вот только вылезала она из другой машины — причем с пассажирского места.

Дверца водителя распахнулась, и взору Сары предстал светловолосый мужчина. Высокий, худощавый, длинноногий. Одетый в серую твидовую куртку и синие джинсы. Лица она не разглядела. Вот он взял у матери сумку (наверняка это и есть загадочный Нил), и оба

зашагали к главному входу.

Следующие двадцать минут Сара потратила на то, чтобы составить меню на следующую неделю и снабдить Дэна, их водителя и разнорабочего, списком необходимых продуктов. Лишь после этого она вышла в коридор и направилась к комнате Стивена. В любом случае она заглянула бы перед уходом, сказала себе Сара. Она всегда интересовалась у Нуалы, не хочет ли та чаю.

Чувствуя легкую дрожь внутри, Сара постучала в дверь. *Хватит, не накручивай себя.*

— Войдите.

Голос Стивена. Сара открыла дверь.

— Я просто хотела спросить, — начала она, старательно избегая смотреть в сторону окна, где стоял незнакомец, — не хочет ли кто-нибудь чашечку чая.

— Сара, — сказал Стивен, протягивая к ней дрожащую руку, — познакомься с моим сыном. Нил, это лучший повар во всей Ирландии, не считая, конечно, твоей матушки.

Серые глаза, увеличенные толстыми стеклами очков. Правильные черты лица, удлиненный нос, светло-русые волосы. Здоровый румянец на щеках — явный плюс работы на свежем воздухе. Они пожали друг другу руки под внимательными взглядами родителей Нила, и Сара почувствовала, как у нее запылала щеки.

— Привет, — пробормотала она, глядя в его серые глаза. Ладонь Нила казалась слегка шероховатой — должно быть, от частой работы с лопатой, решила Сара. Интересно, носит ли он очки, когда трудится в саду? Как-то не очень они подходят его профессии.

— Я о вас слышан, — сказал Нил, продолжая сжимать ее руку. — Судя по рассказам, ваши булочки к чаю — само объедение.

Сара улыбнулась, радуясь возможности перевести взгляд на Стивена.

— Во всяком случае, вашему отцу они нравятся.

— Он изрядно потолстел с тех пор, как Сара занялась здешней кухней, — добавила Нуала.

— А ее лимонный пирог? Это же настоящее чудо! — воскликнул Стивен. — Я даже попросил Нуалу записать рецепт.

— А толку? Мой все равно вышел гораздо хуже.

— Да ладно тебе! Ты неплохо справилась.

Сара чувствовала, что за этим обменом репликами кроется еще один молчаливый диалог, который вела между собой пожилая пара:

Ну, как все складывается? Они уже поладили? Мы не ошиблись? Это читалось в том, как оба они переводили взгляд с Сары на Нила, в задушевности их голосов, в той многозначительности, с какой Нуала смотрела на их рукопожатие. Не хватало только Стивену сказать, как счастлив будет тот, кто возьмет Сару в жены. Но он, к счастью, промолчал.

— Я бы не отказалась от чашечки, — заявила Нуала, та самая Нуала, которая никогда не пила здесь чая. — А ты не хочешь присесть с нами за компанию?

О, мудрая Нуала!

Сара с озабоченным видом уставилась на часы, хотя и без того знала время едва ли не до секунды.

— Думаю, у меня найдется несколько минут, — сказала она.

— Надеюсь, ты не откажешься от чашечки? — обратилась Нуала к сыну.

— Нет, конечно, — взгляд его серых глаз вновь был обращен на Сару. — Могу я помочь

вам?

— Нет-нет, что вы...

Боже, неужели она опять краснеет? Такое чувство, что ей пятнадцать, а не двадцать пять. Зато Стивен и Нуала явно были довольны тем, как развиваются события. Такое чувство, что без их помощи ни Нил, ни Сара сами не могли найти себе партнера.

Выскользнув из комнаты, Сара поспешила на кухню. Здесь она заварила чай и порезала на куски свежеспеченный пирог. «Для кого это?» — поинтересовалась Донна, и Сара сказала, что у Стивена Флэннери гости. И тут же перевела разговор на хозяйственные дела.

Первое впечатление, пожалуй, можно назвать положительным, решила она, снимая один из подносов. Приятная внешность. А очки и вовсе придают ему интеллигентный вид. Очевидно, парень в хороших отношениях с родителями, а это говорит в пользу его характера.

Сара выставила на поднос чайник и чашечки. Еще у него свой дом, что тоже можно зачислить ему в плюс. Работает садовником, следовательно, любит природу. Еще одно неплохое качество.

Но что толку строить планы на стадии знакомства? Не исключено, что у него есть подружка, о которой он просто не говорит родителям. А может, Сара ему совсем не понравилась. Пока что Нил Флэннери — всего лишь возможность. Пожалуй, не такая туманная, как до их знакомства, но не более чем возможность.

Не стоит предаваться слишком радужным надеждам — не все в жизни складывается так, как нам хочется. Но Сара постарается не упустить свой шанс.

*Дорогая мисс Фицпатрик,
мы признательны вам за статью, которую вы написали на смерть Агаты
Кристи. Чек, как обычно, прилагается.
С наилучшими пожеланиями.*

Внизу было напечатано *М. Брин, редактор*, однако расписалась за него, как всегда, Кэтрин Форчун. Письмо это едва ли не дословно повторяло с полдюжины других посланий, которые с прошлого августа приходили к Хелен из газеты. И все их подписывала Кэтрин Форчун. Видимо, мистеру Брину некогда было расплытаться на подобные пустяки.

Чек, прилагавшийся к письму, тоже выглядел, как обычно. Зато сумма Хелен приятно удивила. На месяц-другой им с Элис вполне хватит на хлеб с маслом. Да еще несколько фунтов останется на бутылку хорошего ирландского виски.

— Мама!

Она открыла кухонную дверь.

— Что такое?

— Моя сосиска упала на пол. И к ней прилип мусор.

— Ничего страшного, смой его. Я сейчас вернусь.

Вынув чек, Хелен сложила его вдвое и сунула в карман джинсов. Записку с конвертом она порвала, а клочки бросила в пепельницу, которая делила кухонный стул с телефоном.

Распахнув входную дверь, она зажгла сигарету и с наслаждением затянулась. Взор ее лениво скользил по засыпанному гравием дворику, размером чуть больше пары могил. Узкая бетонная дорожка вела от дверей к воротам. От соседнего участка ее дом отделяла живая изгородь высотой по пояс. Со стороны соседа кустарник был аккуратно подстрижен, зато на половине Хелен рос вольно и без ограничений.

Сквозь серые тучи проглядывало бледно-голубое небо. По улице, звонко стуча каблучками, прошла девочка-подросток в легкой не по сезону куртке. Прислонившись к дверному косяку, Хелен вновь подивилась тому, что получает деньги за дело, которое давалось ей безо всякого труда. Даже странно, что занятие, доставлявшее ей столько удовольствия, стало для нее источником заработка.

Тем не менее началось все не так, как она планировала. Хелен едва приступила к описанию будней простой продавщицы, как по радио — а было это ранним утром первого августа — сообщили об убийстве в Северной Ирландии трех музыкантов из шоу-бэнда «Майами». Ребята возвращались после выступления на вечеринке, которая проходила в графстве Даун.

Сердце ее замерло. «Майами». Хелен лично не была с ними знакома, а вот Кормак был. Как это водится с шоу-бэндами, пути их нередко пересекались. Кормак знал этих ребят, разговаривал с ними. А теперь трое из них убиты — расстреляны боевиками на проселочной дороге.

Уронив голову на руки, Хелен разрыдалась при мысли о том, какую боль предстоит пережить их женам, детям и родителям. Что ждало впереди этих несчастных? Только гнев и скорбь. Неужели не будет конца тому безумию, которое творилось в Северной Ирландии?

Немного успокоившись, Хелен вытерла слезы и отложила в сторону незаконченную

статью. Взяв чистый лист бумаги, она вставила его в подержанную машинку, которую купила на отцовские деньги. Слова полились из нее без остановки, сопровождаемые новым потоком слез. Хелен рыдала по застреленным музыкантам и по Кормаку, а пальцы ее быстро стучали по клавишам. Она печатала и печатала, пока в дверях не появилась заспанная Элис и не потребовала себе завтрак.

Весь тот день, как только выпадала свободная минутка, она продолжала работу над статьей. В качестве жены бывшего музыканта — так она написала о себе в самом начале — Хелен живо представила образ жизни типичного шоубэнда. Упомянула о чувстве товарищества между музыкантами группы, о репетициях, проходивших в старых гаражах, о бесконечных разъездах по стране, о дешевых пансионах, в которых приходилось останавливаться всякий раз, когда попасть домой не представлялось возможным.

Далее, подгоняемая собственным воображением, она описала ужасное происшествие прошлой ночи: беспечную болтовню музыкантов в машине — тот разговор ни о чем, который сопровождает любое удачное выступление, готовность, с какой они подчинились проверке на дороге, их желание поскорее вновь отправиться в путь.

Хелен не стала задерживаться на самом убийстве. Последствия случившегося — вот что занимало ее внимание. Дымок от взрыва, долго висевший в воздухе. Обломки машины, разбросанные по дороге и соседним полям. Вдребезги разбитые инструменты. С нескрываемой горечью писала она о бессмысленном и жестоком убийстве трех молодых музыкантов.

Шок и недоверие — так отреагировала она на новости, прочитанные по радио невозмутимым голосом ведущего. Схожие чувства, должно быть, испытали в то утро и семьи убитых, когда в дом к ним постучалась полиция. Постучалась, чтобы сообщить известие, от которого привычная жизнь их разлетелась вдребезги.

Закончив статью, Хелен пробежала ее глазами, но не стала менять ни слова. В короткой записке, адресованной М. Брину, она поинтересовалась, не хочет ли он напечатать это у себя в газете. В качестве подписи она поставила *Хелен О'Дауд*. Затем она запечатала конверт и отправилась с Элис к почтовому ящику, расположенному в конце соседней улицы.

Спустя два дня она открыла газету, и — вот оно! Половину страницы занимал ее текст, вторую половину — фотография с места преступления. Здесь же был заголовок, которого Хелен не писала: *День, когда умерла музыка*. Внизу, более мелким шрифтом, было приписано: *Человек, знакомый с жизнью шоу-групп, говорит о расстреле группы «Майами»*. Увидела она и свое имя — точнее, псевдоним, напечатанный совсем уж мелким шрифтом.

На следующее утро она получила чек, прикрепленный к первому из писем. Позвонив по номеру, указанному вверху страницы, Хелен попросила к телефону Кэтрин Форчун.

— Мне *очень* понравилась ваша статья, — тепло заявила та, услышав, кто ей звонит. — Трогательно и в то же время по делу. К сожалению, пришлось ее слегка сократить, чтобы подогнать под наш формат.

— Видите ли, это не настоящее мое имя, — сказала Хелен. — Меня зовут Хелен Фицпатрик. О'Дауд... всего лишь псевдоним.

Кэтрин тут же поняла ее затруднение.

— Ясно. Стало быть, вам нужен новый чек. Ничего страшного — отошлите мне старый, и я тут же заменю его другим.

— Большое спасибо. А... когда я могу прислать вам еще одну статью?

— В любое время, — в голосе Кэтрин проскользнуло что-то вроде улыбки. — Но

последнее слово всегда остается за мистером Брином. Он решает, пропустить ли текст в печать.

— Я понимаю.

— Еще вам нужно придерживаться определенного размера — пятьсот или тысяча слов на статью.

Очевидно, что для публикации в газете не требовалось никакой специальной квалификации. Главное, чтобы статья была одобрена начальством. И все же Хелен решила подождать — не хотела казаться слишком жадной.

Она закончила статью о продавщице. Стиль работы вышел легким и беспечным — не сравнить с предыдущим. Но это и к лучшему. Пусть знают, что ей не чуждо разнообразие. Выждав три недели, она отправила текст в газету. Не прошло и нескольких дней, а он уже вышел в печать. Здесь же была фотография модели (как и рассчитывала Хелен): та стояла за прилавком универмага, и на свежем личике читалась откровенная скука.

С того времени она стала отправлять примерно по статье в месяц. Хелен писала о повторном браке Ричарда Бертон и Элизабет Тейлор, который те заключили спустя полтора года после развода. О ничем не примечательном домике в пригороде Монастеревина, где боевики в течение двух недель удерживали голландского бизнесмена. О новом английском законе, который гарантировал женщинам равную с мужчинами оплату труда. С одобрения мистера Брина все эти статьи появлялись в газете, причем печатали их практически слово в слово.

В ноябре Кэтрин добавила несколько строк к стандартной записке. Она просила у Хелен один из ее снимков. *Небольшого фото по плечи вполне достаточно*, писала она. *Мы будем печатать его с вашими статьями, раз уж вы перешли в разряд наших постоянных авторов.*

Хелен купила свежую пленку для фотоаппарата, который забросила еще во время болезни Кормака. Она сделала несколько своих снимков — анфас три четверти и чуть сверху, чтобы скрыть немного глаза. Остаток пленки ушел на потрясающе красивый закат, которым она любовалась в тот вечер.

Распечатав фотографии, Хелен убедилась, что все ее портреты оказались слегка не в фокусе — как раз то, что требовалось. Выбрав лучшие, она отправила их Кэтрин. А вот закат вышел просто чудовищным — размытые пятна невнятных оттенков, похожие на любительскую акварель. Выбросив всю пачку в корзину, Хелен вдруг поняла, что ей и в голову не пришло сфотографировать свою единственную дочь.

Рано утром двенадцатого января в доме у нее зазвонил телефон.

— Это Марк Брин, — прозвучал резковатый мужской голос, и Хелен потребовалась пара секунд, чтобы понять, кто с ней говорит.

— Рада...

— Полагаю, вы из тех, кто любит читать?

— Я действительно...

— Нам только что сообщили о смерти Агаты Кристи. Вы знакомы с ее книгами?

— Разумеется. Я...

— Прекрасно. Сможете написать тысячу слов к концу завтрашнего дня?

Так она получила первое свое задание, а заодно познакомилась с собственным боссом, который явно не любил тратить слов впустую. Да какая ей разница? Лишь бы вовремя платил.

Загушив сигарету, она швырнула окурочек в кусты. Десять минут спустя, когда она отправляла Элис поиграть на заднем дворике — таком же жалком пятачке, как его парадный собрат, — в дверь неожиданно позвонили.

На пороге стояла ее мать, которая редко когда заглядывала без звонка и вообще старалась не посещать эту часть города.

Сшитое на заказ серое пальто, под которым, как нетрудно догадаться, было такое же элегантно серое платье. Шелковые чулки, сумочка и перчатки из натуральной кожи. Волосы аккуратно зачесаны назад. Совершенно неуместное зрелище на их обветшалой от времени улице. Поблизости, как водится, никакой машины: родители Хелен приезжали в этот район только на такси, опасаясь оставлять свой автомобиль без присмотра.

— С днем рождения, — сказала мать, протягивая Хелен кремового цвета конверт. Ну конечно, ее день рождения! Второй год подряд она напрочь забывает об этом событии. Единственный день в году, когда Маргарет Д'Арси считала своим долгом являться к дочери без приглашения.

— Заходи.

Она отступила, пропуская мать в дом. Вряд ли ту порадует беспорядок на кухне: громоздящаяся в раковине посуда, остатки завтрака на столе. Ну и Бог с ним. Не надо было приезжать без звонка.

Мать, впрочем, сделала вид, будто все в порядке. Даже согласилась выпить с Хелен чашечку кофе — не того классного напитка, который они с отцом держали дома, а простой смеси из супермаркета. Ничего, как-нибудь выживет.

— Где Элис?

— Играет во дворе.

Поставив на плиту чайник, Хелен под внимательным взглядом матери открыла конверт. Читать поздравление на открытке она вовсе не стала — сразу заглянула внутрь. Там лежали две банкноты по двадцать фунтов — сумма, которую она получала на свой день рождения с тех самых пор, как ей исполнилось восемнадцать.

Деньги продолжали приходить и после того, как Хелен совершила смертный грех, связавшись с простым музыкантом. Только теперь их доставляли не лично, а отсылали по почте в виде чека. Порядок этот сохранился и после того, как Хелен с Кормаком поженились. Ее общение с родителями свелось к одному-единственному звонку в месяц — вот и все, на что она была способна.

Все изменилось с болезнью Кормака. Как только стало ясно, что ненавистный зять их не переживет, родители решили смилостивиться. Время от времени они заглядывали к Хелен с бутылкой вина и фруктовым пирогом, интересовались здоровьем Кормака и предлагали посильную помощь. Выражали сочувствие, которое сама Хелен считала показным.

Она сажала их за стол и резала к чаю ими же принесенный пирог. Рассказывала родителям о состоянии Кормака и наблюдала за тем, как они пытаются общаться с внучкой. Отец протягивал ей очередную банкноту — пытался заполнить деньгами ту бездну, которая давно отделяла их от дочери, — и Хелен благодарила его, стараясь казаться хоть капельку любезной.

На похоронах Кормака люди выражали сочувствие ее матери и пожимали руку отцу, а Хелен думала о том, каким разочарованием был для них зять. Все эти годы они относились к нему с плохо скрываемым презрением. Ей припомнился день ее свадьбы: натянутая улыбка матери, откровенное недовольство отца. Никогда, никогда не простит она им этого

высокомерия и бессердечия.

После смерти Кормака она ни разу не приглашала родителей в свой дом. Ей было плевать и на них, и на их деньги. Другое дело, Элис. С какой стати лишать девочку возможного наследства? И вот каждый четверг, после обеда, Хелен с дочерью отправлялась к родителям в гости. Здесь она перекидывалась с ними парой фраз ни о чем и выпивала чашечку хорошего кофе. На этом визит благополучно завершался.

Доставая чашки и ситечко, Хелен мучительно пыталась подыскать тему для беседы. Когда она повернулась, мать аккуратно убирала со стола остатки завтрака своей внучки, стараясь не окунуть рукав платья в размазанный по тарелке кетчуп.

Хелен распахнула дверь во дворик.

— Бабушка пришла, — окликнула она Элис. — Зайди, поздоровайся.

Элис трудно было назвать болтушкой. Но для такого случая придется расстараться.

— Если хочешь знать, я уже начала работу над книгой.

— Самое время, а то я уж думала, ты никогда не соберешься. И далеко ты продвинулась?

— Ну, не так, что б очень... По правде говоря, я пока не пишу. Обдумываю сюжет и пытаюсь обрисовать характеры.

— А-а.

— Все равно, неплохо для начала. Хватит есть вишню! У меня ничего не останется на пирог.

Кристина придвинула к ней миску с вишней.

— Так куда ведет тебя сегодня наш герой-любовник?

— В кино, на «Барри Линдона». Вместо того чтобы сидеть без дела, помогла бы мне лучше с посудой.

— А ты покраснела.

— Неправда, — рассмеялась Сара.

Ей не хотелось развивать эту тему. Прошла лишь пара месяцев с тех пор, как они с Нилом стали встречаться. И хотя все у них шло на лад, Сара не собиралась откровенничать — пусть и с собственной сестрой.

Отношения их развивались не быстро. Началось все с нескольких встреч в присутствии его родителей. Во время этих чаепитий Сара заметила, что Нил привык наклонять голову всякий раз, когда он кого-то слушает. А еще у него была совершенно очаровательная и немного неправильная улыбка. Запах его крема для бритья — или это был шампунь? — напоминал ей морскую свежесть. Еще ей нравились ботинки Нила и тот факт, что ногти у него, невзирая на работу, всегда были чистыми.

В общем и целом он произвел на нее очень даже приятное впечатление, так что Сара готова была рассматривать его в качестве бойфренда. Пару раз она ловила на себе его внимательный взгляд и думала не без трепета в душе, что и он, возможно, испытывает к ней подобные чувства.

Другое дело, что за ними все время пристально наблюдали его родители. Сара понимала, что в мечтах те давно уже поженили молодую парочку. Но даже если Нил и правда проникся к ней интересом, о каком развитии отношений могла идти речь под благожелательным, но неотступным присмотром Стивена и Нуалы?

Так прошло две недели. Близился конец ноября. В один прекрасный день, когда Сара ставила на поднос чашки с чаем, в дверь кухни постучали.

— Я открою, — сказала Бернадетта, вытирая о фартук руки.

Днем на кухню то и дело кто-нибудь заглядывал: попросить чашечку чая или стакан молока, а то и поменять воду в грелке. Сара продолжила свое занятие, составляя заодно меню на завтра: фаршированная свинина с жареной картошкой и репой. Затем можно подать пудинг, а потом...

— К тебе, — подмигнула ей Бернадетта. — Сынок Стивена Флэннери.

Стараясь скрыть подступивший румянец, Сара поставила на поднос очередную пару чашек.

— Наверно, хотят еще чаю.

— Ясное дело, — хмыкнула Бернадетта, окуная тряпку в ведро с горячей водой.

— Потому-то он к тебе и обратился. Слышал, должно быть, что я не в состоянии налить чая.

— Прошу прощения, что побеспокоил, — Нил держал в руках свою кожаную куртку. — Я знаю, вы сейчас заняты, но мне хотелось поблагодарить вас за то, что вы так заботитесь о моем отце. На следующей неделе у меня начнется работа в Тулламоре, и я буду заглядывать сюда только по выходным.

Сара выдавила из себя улыбку. Стало быть, никакого личного интереса. Простая любезность. Заглянул, чтобы попрощаться.

— Стивен — прекрасный человек. Мне в удовольствие пообщаться с ним.

Нил принялся натягивать куртку.

— Поверьте, он вас очень ценит. И для моей матери важно, что за ним здесь хорошо присматривают.

Сара продолжала смотреть на него с той же застывшей улыбкой.

— Не знаю, согласитесь ли вы... — он продолжал возиться с застежкой на куртке, — как-нибудь поужинать со мной? Конечно, если у вас будет желание.

— С удовольствием, — улыбка ее на этот раз была неподдельной.

— Прекрасно, — улыбнулся в ответ Нил. — Не могу обещать, что еда придется вам по вкусу, но может, нам и повезет.

Они съездили в городок Килдэр и поели в местном ресторане, где Нил угостил ее стейком и клубничным чизкейком. Потом он отвез Сару домой, поцеловав ее на прощание в щеку. А еще он попросил девушку о новом свидании.

В следующую субботу они отправились в кино, на показ фильма «Шампунь». Нил купил ей коробочку конфет «Черная магия» и даже не попытался приобнять ее в темном зале. Последним она была немного разочарована. Поздно вечером, уже на прощание, Нил наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. Сара в этот момент повернула голову, и губы их встретились. Она ощутила привкус шоколада.

На третье свидание Нил повез ее на постановку «Поля», которую давали в соседнем городке. В перерыве они пили апельсиновый сок, и Нил рассказывал Саре про сад, который он оформлял для гостиницы в Тулламоре. Когда они вновь устроились на своих местах, он сжал ее руку, а Сара вплотную придвинулась к нему.

Прощание их растянулось минут на двадцать. Обнимая Сару, Нил шептал о том, как ему с ней повезло, а Сара таяла, наслаждаясь теплом его рук.

С того момента они стали встречаться по пятницам и субботам. Нил подарил ей на Рождество серебряный браслет, а Сара вручила ему пластинку Queen «A Night at the Opera». Шел 1976 год, и ей наконец-то повезло влюбиться.

— Смотри-ка, ты опять покраснела, — сказала Кристина, а Сара в ответ швырнула в нее вишенкой.

Двадцать три минуты с начала вечеринки, а она уже успела опрокинуть два больших бокала красного вина — не просто плохого, а прямо-таки отвратительного. На закуску пошел один-единственный фаршированный гриб. Все остальное — сосиски, куриные ножки и еще какую-то дребедень — Хелен решительно отвергла.

Давненько она не бывала на вечеринках. Разве что с Кормаком, да и то до рождения Элис. Вот и сегодня стоило бы остаться дома. С какой стати она позволила Кэтрин уговорить себя?

Год назад она решительно отказалась присоединиться к корпоративному торжеству, разыграв свою карту вдовы. «Это первое Рождество без моего мужа, — заявила она Кэтрин, — и у меня, если честно, нет ни малейшего желания праздновать». Та, как и ожидалось, отреагировала с сочувственным пониманием. Вдобавок на счету у Хелен было лишь несколько статей, так что она ни в коей мере не считала себя причастной газетному миру.

Но в этом году ей не удалось отделаться так же легко.

— Познакомься с мистером Брином, — уговаривала ее по телефону Кэтрин. — Тебе даже не нужно задерживаться надолго. Просто покажись в общей компании и скажи, что тебе нравится у нас работать. Мы все будем рады тебя увидеть.

Что касается Кэтрин, та и впрямь будет рада их знакомству, а вот насчет Брина Хелен сомневалась. С его газетой она сотрудничала уже полтора года, и за это время они переговорили по телефону лишь несколько раз, когда Брин звонил ей с поручениями. Даже по этим разговорам было ясно, как мало ему дела до собеседника.

«Брин», — рявкал он обычно вместо приветствия, заставляя ее нервничать без всякого повода. Ни вам «здрасте», ни «надеюсь, я не помешал». Этот человек с ходу переходил к делу и после краткого обмена репликами завершал разговор не менее кратким «идет». Судя по всему, слов «до свидания» вовсе не было в его лексиконе.

Ни разу он не похвалил Хелен, ни разу не дал понять, что ему действительно нравятся ее статьи, хотя до сих пор он не отверг ни одну из них. Когда Хелен на свой страх и риск предложила газете рецензию на понравившуюся ей книгу — через пару недель после статьи об Агате Кристи, — она появилась в газете уже на следующий день. А в скором времени ей прислали на обзор рукописи двух авторов, чьи имена Хелен прежде не встречались.

Пятьсот слов по каждой не позднее этой пятницы — такая записка крепилась к одной из рукописей. Слова *не позднее* были подчеркнуты дважды. Вместо подписи буквы — МБ. Даже угловатый почерк этого человека выдавал плохо скрываемое раздражение.

Оставалось лишь посочувствовать миссис Брин — при условии, конечно, что та вообще существовала. Трудно представить, чтобы какая-нибудь женщина согласилась выйти замуж за Брина с его невыносимым характером.

Вдобавок — и это, пожалуй, было самым неприятным, — чтобы попасть на вечеринку, Хелен пришлось обратиться за помощью к родителям. Женщина, которая присматривала обычно за Элис, уехала на праздники к замужней дочери, так что у Хелен не оставалось иного выбора, кроме как позвонить матери.

Для нее не было секретом, что родители без восторга отнеслись к ее карьере журналистки. По их мнению, подобное занятие мало чем отличалось от работы наемного

музыканта. Не радовало их и то, что Хелен трудилась в сфере, которая традиционно считалась чисто мужской. По словам Кэтрин, среди авторов, писавших для газеты, было всего две женщины.

С другой стороны, она публиковалась в газете, которую ее родители читали уже не первый год. Хелен знала, с каким уважением относится отец к детищу мистера Бриана. Кроме того, на свои заработки она с успехом содержала себя и Элис, так что у родителей не было особых поводов для возражений.

— Рождественская вечеринка, — повторила ее мать, — как мило. Разумеется, мы присмотрим за Элис. Тебе есть в чем идти туда?

Хелен едва не ляпнула, что собиралась идти голой, но вовремя удержалась.

— Надену черный брючный костюм.

Тот самый, в котором я была на похоронах Кормака, могла бы добавить она, но тоже удержалась.

— Это старье? Сколько лет ты его уже носишь? Давай мы с отцом купим тебе что-нибудь новенькое.

Все та же привычка швырять ей деньги. Как будто она могла принять их за любовь!

Брючный костюм и правда был старым — Хелен купила его еще до знакомства с Кормаком. Но он вполне сгодится для вечеринки, где она никого не знала. В конце концов, ей было плевать, что там подумают о ней или ее костюме. А ведь не так давно она часами крутилась перед зеркалом, готовясь выйти в свет вместе с Кормаком!

Несмотря на свой отвратительный вкус, вино слегка согрело ее изнутри, сделав этот вечер если не приятным, то сносным. Не слишком большая комната была под завязку забита шумными, смеющимися людьми, которые безостановочно курили и болтали друг с другом. Хелен не успела поговорить ни с кем, кроме Кэтрин, которая, к счастью, взялась присматривать за ней. Помощница босса оказалась старше и массивней, чем представляла ее Хелен. При этом она так и лучилась дружелюбием.

«Мне ужасно нравится ваш стиль, — заявила она Хелен, промокнув свое крупное лицо красным платком. — Вы пишете так оригинально и свежо, и с таким неподражаемым юмором. А ваши рецензии на книги всегда бьют в точку».

Брин, судя по всему, не успел еще почтить вечеринку своим присутствием.

«Он не очень-то общителен, — признала Кэтрин то, что Хелен и сама уже успела понять. — Но он обязательно появится, и тогда я вас познакомлю».

Затем Кэтрин с извинениями сбежала в туалет и до сих пор не вернулась — устала, должно быть, нянчиться с фрилансером. Еще бокал вина, решила Хелен, и она отправляется домой. И плевать ей на Бриана. Она протолкалась к стойке бара и подлила себе выпивки, плеснув нечаянно на свой пиджак, когда в этой толчее чей-то локоть врезался ей в бок.

— Хелен!

Не успев достать салфетку, она оглянулась. Кэтрин пробиравалась к ней сквозь толпу в сопровождении мужчины в темном костюме. Это, видимо, и был пресловутый мистер Брин, которого требовалось поблагодарить за отеческую заботу о своих сотрудниках. Промокнув мокрое пятно рукавом пиджака, Хелен постаралась выдавить из себя как можно более широкую улыбку.

— Знакомьтесь, — сказала Кэтрин. — Марк, это Хелен О'Дэуд... точнее, Фицпатрик. Хелен, это Марк Брин.

Темно-синий дорогой костюм — уж в этом-то она, благодаря отцу, разбиралась очень

неплохо. Безупречно белая рубашка, галстук серых тонов. Темные, почти черные волосы подстрижены коротким ежиком. Пронзительные голубые глаза смотрят в упор, на лице — слабое подобие улыбки. Суховато кивнув, Брин на мгновение сжал ей руку.

Далеко не красавец — нос широковат, да и скулы слишком заметны. Вокруг глаз залегла сетка морщин. И все же такое лицо быстро не забудешь. Возраст? Трудно сказать. Где-то между сорока и пятьюдесятью.

Хелен открыла рот, чтобы сказать что-то, пристойное случаю, но слова застряли у нее в горле. Ради всего святого, она же работает за деньги, а не принимает милостыню. Из нее вышел неплохой автор статей, в противном случае тот же Брин давно бы дал ей отставку.

Хелен подняла стакан с вином.

— Счастливого Рождества. И спасибо за приглашение. Рада, что ваш голос наконец-то обрел лицо.

Брин вновь слегка наклонил голову — не более чем намек на кивок. Хелен увидела, как взгляд его скользнул к темному пятну на отвороте ее пиджака.

— Меня толкнули, пока я наливала вино, — пояснила она. — Не такая уж я неряха.

— А я вас ни в чем и не обвиняю, — мягко заметил он. Голос был знакомым, но не таким властным, как во время телефонных бесед.

— Просто я решила, что лучше объяснить, — сказала Хелен. — Будете? — кивнула она на бутылку.

Это же вечеринка, в конце концов. К чему этот серьезный тон?

— Спасибо, не сейчас, — взгляд его был устремлен куда-то влево. — Прошу меня извинить, — добавил он, вновь протягивая ей руку. — Надеюсь, вам понравилось наше вино.

Еще одно мощное рукопожатие, и Брин исчез, оставив ее наедине с Кэтрин.

Хелен смотрела ему вслед, с трудом сдерживая раздражение. Очевидно, что великий мистер Брин решил не трагить на нее больше тридцати секунд. *Надеюсь, вам понравилось наше вино.* Как будто она пришла сюда ради этого отвратительного пойла и дешевой закуски.

— Чудесная встреча, — повернулась она к Кэтрин, но та предпочла проигнорировать ее сарказм.

— Все прошло замечательно. Я рада, что вы наконец-то встретились. Давайте я познакомлю вас кое с кем из нашей братии.

Но с Хелен было достаточно.

— Спасибо, — она отставила стакан, даже не прикоснувшись к вину, — но мне нужно идти. Я обещала няне, что вернусь не позже десяти.

Мелкая ложь, которой она прикрывалась, маска, которую так старательно натягивала на себя после смерти Кормака. Оказавшись на улице, Хелен жадно втянула в себя морозный воздух. Она стояла, не обращая внимания на предпраздничную толчею. Все вокруг выглядели счастливыми, ведь до Рождества оставалось всего три дня.

По пути к автобусной остановке она заглянула в магазинчик и купила там дешевый виски.

— Счастливого Рождества, — сказал ей продавец, молодой парень с бородкой.

Хелен, забирая сдачу, пожелала ему того же. Видит Бог, им всем не помешает немного счастья.

У себя дома она осторожно пробралась в темноте до лестницы и присела прямо на ступеньку. Достав из бумажного пакета бутылку, Хелен открутила крышку. Потягивая виски, она вспоминала их первое с Кормаком Рождество. С момента их знакомства не прошло и

двух месяцев, и все им тогда было в новинку.

Этот дом стал для них настоящим святилищем, под крышей которого они обрели свое счастье. Рождественская курица жарилась и усыхала в духовке, пока они утоляли другой, куда более сильный голод. Чудо любви заставило их забыть обо всем мире.

Сейчас, как и тогда, по улице спешили какие-то люди. Их бодрые возгласы проникали в ее мрачное уединение. Хелен вспомнила, как Кормак, продев меж пальцами ее ног мишуру, потянул блестящую нить вверх по телу, до самой груди. Как наяву, ощутила она приятное покалывание этой праздничной безделушки, ее бережное прикосновение к впадинкам и холмам ее тела. В конце концов, не выдержав, она выдернула мишуру из рук Кормака и притянула его к себе...

Опустив полупустую бутылку на ступени, Хелен уронила голову на руки и разрыдалась. Ее приглушенные всхлипы сливались с уличным шумом, где какая-то дружная компания распевала песню об ангелах, чьи голоса несутся к нам с небес.

— Ужасно. Просто ужасно.

Нил проигнорировал ее замечание.

— Эта рецензия на новую книжку — она просто чудовищна. Вот, взгляни.

Нил ограничился тем, что бросил взгляд на газетную страницу.

— А что за книга?

— Триллер, дебютный роман нового автора. Хелен О’Дауд разнесла его в клочья. Только представь, как он должен теперь себя чувствовать!

— Кто именно? — Нил вновь погрузился в чтение новостей.

— Разумеется, автор! Терпеть не могу, когда ты слушаешь меня вполуха. Вот, прочти — это и правда ужасно.

— Я уже читаю, — мягко заметил он. — По крайней мере пытаюсь. Давай я взгляну на рецензию попозже?

— Прости, — Сара уронила газету на постель, прислушиваясь к голосу Хелен Редди. — Обожаю эту песню, — потянувшись к радио, она прибавила громкости, после чего вновь прижалась к мужу. — Что может быть лучше, чем утро воскресенья, правда?

— М-м-м.

Сара повернулась, чтобы лучше видеть лицо Нила. Прямоугольник окна отражался в стеклах его очков.

— Тебе ко многому приходится приноравливаться, правда?

Он улыбнулся, по-прежнему скользя глазами по строчкам.

— Со мной тебе редко удастся почитать в тишине и покое, верно?

— Практически никогда.

Улыбнувшись, Сара прижалась щекой к его груди.

— Что поделать! Ты на мне женился, так что будешь терпеть меня до конца жизни.

— Или пока развод не разлучит нас.

— Это в католической Ирландии? И не надейся! — она вновь бросила взгляд на страницу, которую минутой раньше швырнула на постель. — Знаешь, я подумываю написать ей.

— М-м-м?

— Хочу высказать Хелен О’Дауд все, что я думаю про ее рецензию.

Нил опустил газету.

— Моя добросердечная женушка, эта женщина всего лишь сделала анализ книги. Ее работа как раз и заключается в том, чтобы говорить всякие гадости, даже если тебе они не по душе. Будь на то твоя воля, все люди обменивались бы исключительно любезностями, чтобы, не дай Бог, не задеть чьи-нибудь чувства.

— Но она и правда проехала по книге безо всякой жалости, — возразила Сара, вновь хватаясь за газету. — Только послушай: *Если уж он надумал писать так плохо, пусть ведет дневник. По крайней мере он будет единственным его читателем.* Сам видишь, это неоправданно жестоко и не слишком украшает рецензию. Хватит улыбаться!

— Но это и правда забавно. У Хелен О’Дауд острый язычок, она умеет развлечь публику. Ей нравится задевать читателя за живое. Опять же, не хочешь — не читай.

— Но я *уже* прочла. И мне кажется, это чересчур жестоко.

— А ты читала книгу, о которой она пишет?

— Это не имеет значения. Даже если она не слишком удачна, не стоило говорить о ней с такой колкостью, — Сара свернула газету. — Точно, я напишу Хелен О’Дауд и выскажу свое недовольство... Возможно, в следующий раз она будет осторожнее с выбором слов. Никто не мешает ей говорить правду, только в более мягкой форме.

— Что ж, если невтерпех, давай, пиши.

— И напишу, — Сара вновь прильнула к мужу. — Что если бы она разнесла в пух и прах *мою* первую книгу?

Нил беспечно рассмеялся.

— Полагаю, ты была бы безутешна. Возможно даже, побежала бы топиться.

Сара легонько шлепнула его по руке.

— Не смейся над такими вещами! Но я действительно была бы в полном отчаянии. Мне и без того страшно — что если издатель отклонит рукопись?

— Зачем беспокоиться об этом сейчас? — зевнув, Нил сложил газету. — Для начала хорошо бы закончить книгу.

— Верно, — Сара бросила взгляд на часы. — Ох, мне пора вставать. *Ненавижу* работать по воскресеньям. И почему я только согласилась?

— Потому что тебя попросили, а ты не умеешь отказываться.

Сара со вздохом откинула одеяло.

— Мне сказали, это только на время, пока не найдут замену Остину.

— Ясное дело. Все знают, что ты не станешь протестовать.

Сара пошарила ногой в поисках тапочек.

— Возможно, у них просто нет денег на нового повара. И мне бы не хотелось давить на них сейчас.

— Давить? Думаю, они не настолько ранимы.

Уже под душем она представила, как автор книги разворачивает воскресную газету и находит там рецензию Хелен О’Дауд. Бедняга месяцами, если не годами, трудился над своим романом. Его жене, возможно, пришлось устроиться на работу, чтобы финансово поддержать семью. Его звездный час пробил, когда издатель согласился на публикацию романа — наверняка они с женой отметили это событие в хорошем ресторане! И вот теперь эта ужасная рецензия.

Сара понимала, что в мире хватает и более серьезных проблем. В Ливане шла ожесточенная война, боевики из ИРА продолжали подкладывать бомбы, в ЮАР по-прежнему царил расовое неравенство. Но это не значило, что она могла с легкостью отмахнуться от рецензии.

Она представила себя на месте автора. Вот ее книга впервые выходит из печати — на растерзание всем мыслимым и немыслимым Хелен О’Дауд. Да она бы умерла, если бы по ее роману проехали с такой беспечной жестокостью.

С другой стороны, если учесть темпы ее работы, та же Хелен О’Дауд выйдет на пенсию задолго до того, как Сара закончит книжку. Прошло уже два года с тех пор, как она взялась за написание романа, и за это время ей удалось выдать не более пятидесяти тысяч слов — примерно половину от общего объема (если верить справочникам для начинающих писателей). Сюжетная линия часто менялась, герои то появлялись, то исчезали, но Сара намерена была довести дело до конца.

Сара проворно смыла шампунь с волос. Да, она непременно напишет Хелен О’Дауд,

когда вернется с работы. Надо сделать это побыстрее, пока не вылетело из головы. Не исключено, что письмо ее швырнут в ближайшую корзину — рецензенты без восторга относятся к критике в свой адрес, хотя сами безостановочно критикуют других. Но Сара, по крайней мере, выскажет все, что думает. Что бы там ни было, она не собирается терпеть подобную несправедливость.

А завтра она вновь вернется к своей книге — будет писать хотя бы по часу в день, вместо того чтобы хвататься за ручку лишь по настроению. Подумать только, у ее романа до сих пор не было названия! Точнее, она успела придумать уже не одно, но последовательно отвергла все варианты.

Вытершись насухо, Сара потянулась за тальком. Ей предстояло провести пять часов на душевной кухне в доме престарелых. Что там впереди? Воскресный обед на двадцать семь постояльцев: жареная курица, жареный и вареный картофель, горох и морковное пюре. На десерт — заварной крем и яблочные тарталетки. Для чая она напечет булочек с изюмом. Но это будет позже, когда воскресные гости разъедутся по домам.

Единственной, кого никогда не навещали, была бедняжка Мартина. Она так и не вышла замуж, не обзавелась семьей. Но должны же быть у нее племянники или племянницы, осведомленные о ее существовании? До чего же это грустно — понимать, что ты никому не нужен. Неудивительно, что с возрастом у нее слегка испортился характер.

По воскресеньям Мартина старалась не заходить в две общие комнаты, где другие постояльцы встречались с детьми и прочими родственниками. Все это время Мартина сидела у себя в комнате, в солнечные дни выбираясь ненадолго в сад. И все три воскресенья, когда Сара подменяла Остина, она считала своим долгом навестить старушку.

Мартина, по своему обыкновению, сидела у окна. «Уже уходите?» — спрашивала она Сару. Нет, отвечала та, еще рановато. Она только вынула из духовки смородиновые булочки и поджидала, пока они остынут, чтобы покрыть их глазурью. Не дожидаясь приглашения, Сара усаживалась напротив Мартины и с четверть часа болтала о всяких пустяках. Мартина, судя по всему, относилась к ее визитам без особого удовольствия, но Сара все-таки приходила: ей была невыносима мысль о том, что кто-то может томиться в одиночестве целый день.

Вернувшись в спальню, она натянула светлые брюки из хлопка и синюю футболку. Какая разница, что на ней надето, если все это будет скрыто под большим белым фартуком?

Нил все еще лежал в постели.

— Домой ты, должно быть, вернешься около половины пятого? — заметил он.

— Скорее всего, — она наклонилась, чтобы поцеловать его в губы. — Будь хорошим мальчиком.

— Только при условии, что потом я смогу вести себя очень плохо.

— Там видно будет.

Сара вывела из пристройки велосипед. На лице у нее все еще сияла улыбка при мысли о том, что впереди ее ждет вечер наедине с мужем. До чего же приятно быть чьей-то женой! Ей исполнилось двадцать шесть, когда они с Нилом объявили о помолвке. Свадьбу сыграли в сентябре, ровно пять месяцев назад. Невзирая на предостережения Кристины о том, что работа в доме престарелых лишает ее возможности встретиться с потенциальным мужем, именно это заведение — в лице Стивена Флэннери — как раз и свело ее с Нилом.

Бедняга Стивен был просто счастлив, когда услышал об их помолвке. Как же, ведь именно он стал инициатором их знакомства! «Можешь называть меня Купидоном», — пошутил он, когда Сара, сжимая его дрожащую руку, сообщила ему эту замечательную

новость. Стивена — благослови Господь его душу! — уже не было с ними: умер от сердечного приступа за три месяца до их свадьбы.

Выкатив велосипед на дорогу, Сара отправилась в путь. Она по-прежнему ездила на нем на работу, хотя дом Нила — их дом — был пятью милями дальше от дома престарелых, чем дом родителей. Для нее не составляло труда накрутить в день каких-то пятнадцать миль. Сара выросла на велосипеде. Подростком она изъездила на нем всю страну. Единственной помехой могла считаться только дождливая или ветреная погода. Что ни говори, а ежедневные поездки позволяли ей поддерживать фигуру — солидный плюс для того, кто все время вынужден печь и готовить, не обладая при этом особой силой воли.

Когда Кристине исполнилось семнадцать, Брайан научил ее водить машину. Предлагал он свою помощь и Саре. Но у той не было желания садиться за руль автомобиля. Велосипед устраивал ее как нельзя лучше, вне зависимости от погоды. Поскольку теперь она добиралась до работы другим путем, ей уже не приходилось пересекать тот самый мост, на котором она встретила с женщиной в кожаном пальто. В день, когда ездила на собеседование.

С тех пор прошло целых три года. Вот уж правда — время летит незаметно! За эти годы жизнь ее изменилась в лучшую сторону: она нашла замечательную работу и вышла замуж за лучшего в мире мужчину. А если учесть, что с Нилом они познакомились именно в приюте для престарелых, то день собеседования вполне можно считать началом ее нового будущего.

Интересно, что случилось с той темноволосой женщиной? Жива ли она еще? Удалось ли ей обрести душевный покой? Сара очень надеялась на это.

Весь оставшийся день в голове ее крутились наброски письма, которое она намеревалась отправить Хелен О'Дауд. Разрезая выпечку для вечернего чая, она обдумывала фразу за фразой. *К чему эта безапелляционность?.. Новый автор, которому требовалась капелька поддержки... так обидно, после всей этой напряженной работы...*

— А где у нас хранятся блюдца для масла?

В свои семнадцать Ева не отличалась избытком сообразительности или инициативы, но кроме нее Саре не на кого было полагаться по воскресеньям.

— Здесь, — кивнула она на шкафчик. — Не забудь протереть. Вдруг они успели запылиться?

Любой другой на месте Евы давно бы пошарил по полкам и нашел блюдца. Но девушка была так молода! Вряд ли ее радовала мысль работать по воскресеньям на кухне, когда друзья развлекались где-то на стороне. Не исключено, что Ева успела уже обзавестись и бойфрендом: улыбайся она почаще, и ее вполне можно было назвать хорошенькой.

— Если хочешь, можешь уйти сегодня пораньше, — сказала ей Сара. — Как только накроем на стол. Остальное я доделаю сама.

Это значило, ей придется самой перемыть рабочие стойки, развесить полотенца и разложить салфетки, составить завтрашнее меню и список покупок. Даже лучше, если Ева не будет путаться у нее под ногами, спрашивая об очевидных, по мнению Сары, вещах.

Нил вряд ли рассердится, если она задержится немного на работе. Он давно уже собирался рассортировать в алфавитном порядке все свои записи. Вот и пусть займется: Т. Rex после Queen, после Дилана и Боуи.

— Масло режь потоньше, — распорядилась Сара, наблюдая за тем, как Ева шмякает на тарелки целые ломти. — Некоторым старичкам проще управляться с маленькими кусками.

Сара едва не добавила, что это уже третий раз, как она напоминает об этом Еве, но вовремя удержалась. Почему бы не проявить капельку доброты? Может, Ева просто не в

состоянии усвоить все с первого раза.

Быть доброй ничуть не сложнее, чем быть жестокой. Почему бы Хелен О'Дауд не принять эту простую истину?

— Хватит играть с едой.

— Мне не нравится апельсин. Он кислый.

Хелен взяла с тарелки Элис дольку и сунула ее в рот.

— Сойдет. Ничего другого все равно нет. Так что жуй это или жди, пока я схожу в магазин.

— У нас есть печенье.

Хелен со вздохом затушила сигарету.

— Ладно, можешь взять одну штучку.

— Одной мало. Почему мне нельзя сразу две?

— Это не лучший завтрак для девочек. И не забудь потом почистить зубы.

Драматический стон.

— *Ненавижу* чистить зубы — это *так* скучно!

— Лечение у дантиста понравится тебе еще меньше, можешь мне поверить.

Так каждое утро. Элис спорила с ней не переставая. И это в семь лет. Что же будет, когда ей исполнится семнадцать?

Да и в школе дела шли не лучше. Элис с самого начала не проявляла интереса к учебе. Преподаватели постоянно жаловались на ее неряшливые работы и непослушание. Уже через неделю тетради Элис начинали выглядеть так, будто ими пользовались целый год. И каждый уголок внутри был разрисован фигурками кошек, слонов и лошадей.

С первого класса детишкам стали устраивать проверки на сложение-вычитание и правописание. Каждую пятницу они писали тест, который затем отправляли их родителям. Успехи Элис в этих дисциплинах были просто удручающими.

— Почему бы тебе хоть чуть-чуть не постараться? — недовольно спрашивала Хелен у дочери. — Ведь все это вам задавали на дом!

Элис в ответ только пожимала плечами, а Хелен предпочитала не настаивать. Она знала, что в плохой успеваемости дочери есть и ее вина.

Наверняка другие родители часами просиживали возле своих детишек, помогая им делать домашние задания. На Хелен это занятие наводило невыносимую скуку, так что она старалась пореже заглядывать в тетради дочери. Ее вполне устраивало, когда по правописанию та получала три балла из десяти. На математику она и вовсе махнула рукой.

От Кормака Элис унаследовала ямочку на левой щеке. У нее были такие же длинные ручки и ножки, бледная кожа и серые глаза. А вот музыкальными способностями природа ее явно обделила. Когда ей было два года, Кормак усаживался с ней перед стареньким роялем, доставшимся ему от бабушки, и Элис колотила по клавишам крохотными ладошками. С тех пор, надо сказать, мало что изменилось.

Через полтора года после смерти мужа Хелен нашла в себе силы открыть рояль и наиграть парочку известных мелодий. Элис какое-то время серьезно разглядывала мать, прежде чем вернуться к своему кукольному домику — подарку бабушки на ее день рождения. Больше интереса к музыке в ней не замечалось.

Хелен, родившая дочь через неделю после того, как ей исполнилось двадцать девять, довольно долго свыкалась с ролью матери. Неожиданно для себя она оказалась лицом к лицу с крохотным существом, которое с катастрофической регулярностью пачкало пеленки,

громко пищало и отрыгивало молоко; которое предпочитало спать, когда ему вздумается; а заливаясь слезами, морщило личико так, что становилось похожим на рассерженного Уинстона Черчилля.

Меньше всего Хелен хотелось кормить дочь грудью. Вид младенцев, прильнувших к соску матери, напоминал ей разве что гигантских прожорливых пиявок. Нет, это явно было не для нее, что бы там ни утверждали молоденькие медсестры. А последние твердили, что выкармливание грудью поможет Хелен вернуть фигуру, а заодно укрепит ее связь с дочерью.

На фигуру Хелен было плевать. До беременности она никогда не весила больше пятидесяти пяти килограммов, хотя ела и пила все, что вздумается. Да и беременность ее не слишком испортила: до шестого месяца она с легкостью влезала в свои любимые джинсы. Хелен не сомневалась, что после родов с легкостью вернется в норму. Так оно, собственно, и получилось.

Что касается связи... Хелен всмотрелась в крохотное личико дочери, которая в кои-то веки мирно спала, не требуя еды или внимания. Она пробежалась пальцем по ее нежной щечке, подержала в руке миниатюрную ножку. Пожалуй, в ней и правда жили какие-то чувства к этому забавному существу. Не та безумная материнская любовь, которую проповедуют голливудские мелодрамы, а что-то гораздо более спокойное. Оставалось лишь надеяться, что связь эта со временем только укрепится.

В принципе, все так и вышло. Они с Кормаком шаг за шагом постигали родительскую науку. И у них, как у всех молодых родителей, были свои успехи и свои неудачи. Элис тоже потихоньку развивалась. В должное время она научилась переворачиваться на животик. Потом она стала садиться. Потом поползла и, наконец, пошла.

Сначала она научилась выговаривать *мама* и *papa*. Затем настал черед других слов, а потом из этих слов она стала складывать некое подобие фраз.

Разумеется, не все ее поступки приводили родителей в восторг. Как-то раз, к примеру, она стащила косметичку Хелен и высыпала ее содержимое в унитаз. Или взять тот случай, когда она разрисовала розовым карандашом белые обои в своей комнате. А однажды вылила банку меда в любимые тапки Кормака.

В отличие от Хелен, тот всегда готов был простить Элис: *она же еще малышка, ну что она понимает?* Кормак в большинстве случаев ограничивался мягким упреком, а вот Хелен, глядя на шалости дочери, не испытывала никакой любви. Ей хотелось только одного — отшлепать. Должно быть тот, кто создавал ее, забыл вложить такую важную вещь, как материнский ген.

С другой стороны, недостаток тепла по отношению к дочери мог объясняться той атмосферой эмоциональной скудости, в которой выросла сама Хелен. Если учесть, как мало внимания уделяли ей родители, становилась понятной ее сдержанность в отношении дочери. По крайней мере у Элис был любящий отец, и он с лихвой восполнял этот недостаток тепла и заботы.

Но затем у Кормака обнаружили рак. Не прошло и года, как он умер, а Хелен, которую срочно вызвали к постели Элис, не успела даже попрощаться с ним. Она приложила все силы, чтобы побороть возникшую неприязнь: раз за разом повторяла себе, что в случившемся нет вины дочери; что трехлетний ребенок не отвечает за свои поступки. Так или иначе, ей удалось сгладить горечь и недовольство, сохранив те слабые узы, которые соединяли ее с дочерью.

И вот теперь, три года спустя, ситуация улучшилась. Не то чтобы слишком, но все-таки.

Хелен по-прежнему страдала: преждевременная смерть Кормака оставила в ее душе незаживающую рану. Тем не менее боль слегка утихла, и Хелен научилась жить с этим ощущением потери. С Элис они тоже более-менее ладили, поскольку ничего другого им просто не оставалось.

Выбор профессии тоже оправдал себя — по крайней мере в финансовом отношении. В качестве журналистки — журналистки! — Хелен зарабатывала достаточно, чтобы обеспечить себя и Элис едой и одеждой. Она писала статьи о повседневных событиях, делала обзоры фильмов и книг. В прошлом году она даже взяла интервью у Томми и Джимми Суорбриггов, незадолго до их неудачной попытки выиграть для Ирландии «Евровидение». Брин по-прежнему оставался главным ее работодателем, но время от времени она отправляла статьи и в другие издания.

Отношения с родителями тоже были вполне приемлемыми, хоть и сдержанными. Словом, жизнь начала понемногу выправляться.

Заслышав легкий шорох, донесшийся из-за двери, Хелен вышла в коридор и обнаружила на полу россыпь конвертов. Правда, лишь один из них выглядел так, будто в нем мог находиться чек. Когда она вернулась на кухню, Элис сидела с плотно набитым ртом, а на тарелке перед ней лежало нетронутое печенье.

— Все-таки взяла два? — поинтересовалась Хелен.

Элис покачала головой, спешно что-то прожевывая.

— Тогда что ты ешь?

— Апельсин, — выдохнула та, рассыпая крошки.

Хелен открыла первый конверт.

— Не умеешь врать, не берись.

В конверте лежало напоминание от телефонной компании, которая грозила отключить ее за долги. Может, списать это на рабочие расходы и отправить на оплату Брину?

Что ни говори, в сотрудничестве с ним были свои плюсы — если не считать, конечно, рождественских вечеринок, на которые Хелен больше не ходила. Редко какая беседа с Брином не выводила ее из себя, и она до сих пор поражалась тому, как это Кэтрин умудряется на протяжении стольких лет сохранять свой пост помощника редактора. Нет уж, лучше она сама оплатит телефонный счет, иначе очередной разговор с боссом вновь доведет ее до белого каления.

Во втором конверте, к счастью, лежал чек. От ее самого нелюбимого редактора. Разговаривая, тот никогда не смотрел Хелен в лицо, а все время пялился на ее грудь. Но чек есть чек. Сложив, Хелен сунула его в лифчик. В любом случае долго он там не пробудет: в холодильнике было шаром покати, не считая трех кислых апельсинов, баночки с грейпфрутовыми дольками, полпачки творога и початой бутылки виски.

— А что на ужин? — спросила Элис.

— Рыбные палочки.

— Угу.

«Угу» означало «хорошо». Кусочки рыбьей тушки, покрытые какой-то оранжевой мукой. А что взамен? Готовить самой? Ну уж нет! Хелен не собиралась тратить свое время на это пустое занятие. Элис вряд ли оценила бы ее усилия, а самой Хелен было без разницы, что она ела (и ела ли вообще). Она хорошо знала свои сильные стороны и понимала, что умение готовить не входит в их число.

Кормак, тот готовить умел. Не слишком хорошо, но все же лучше, чем Хелен. Когда у

них водились деньги, он кормил ее бараньими отбивными. В обычные дни жарил на гриле рыбу и стейки.

— Ты же музыкант, — говорила Хелен. — Готовка — не твоя стихия.

— Что может быть лучше домашней еды? — возражал Кормак. — Чтобы удачно выступить, мне нужно набраться сил.

Но этих сил оказалось маловато, чтобы победить рак, когда тот выхватил его из толпы.

— У нас нет молока, — объявила Элис, заглядывая в холодильник.

— Куплю попозже. Выпей пока воды.

— Угу.

По радио зазвучала музыка Thin Lizzy. Хелен рассеянно кивала в такт мелодии, хотя Фил Лайнотт и не дотягивал, на ее взгляд, до Рори Галлахера. Третий конверт был адресован *жильцу*. Ее приглашали на благотворительный вечер, посвященный местному спортивному клубу. *Развлекательная музыка!* — кричала яркая открытка. *Бесплатные закуски! Танцы! Все для вашего удовольствия! Поддержим свой клуб!*

Скомкав приглашение, Хелен швырнула его в сторону мусорной корзины. Пожелай она даже набить себе живот дешевой закуской и поплясать с местной молодежью, ее и то оттолкнул бы разухабистый тон и переизбыток восклицательных знаков. Крикунов, как называл их Брин, следовало избегать любой ценой. И в этом она была полностью с ним согласна.

На четвертом конверте ей бросилось в глаза имя: *Сара Флэннери*. Оно было написано от руки, фиолетовыми чернилами. Адрес — маленький городок милях в сорока от Дублина.

Сара Флэннери. Кто бы это мог быть?

Конверт был отправлен на адрес ее газеты, для передачи Хелен О'Дауд. Кто-то — должно быть, Кэтрин — зачеркнул О'Дауд и приписал поверх *Фицпатрик*. Она же проставила рядом домашний адрес Хелен.

Кто-нибудь из тех, кого она задела своими статьями. Хелен успела убедиться в том, что в мире полно чувствительных душ, которые при малейшей возможности хватались за ручку и начинали писать опровержения. Как-то раз она получила письмо от женщины, которая негодовала по поводу одной фразы в ее статье. Хелен назвала «забавной» небывалую популярность песни «Money, Money, Money» на фоне той глубочайшей рецессии, в которой оказалась Ирландия. *В рецессии нет ничего забавного*, возмущалась ее респондентка. *Мой муж потерял работу восемь месяцев назад, и ему явно не до веселья. Интересно, посмеялись бы члены группы ABBA, попроси я их оплатить наши счета?*

В другой раз, когда Хелен осмелилась заявить, что Ирландию возглавляет человек, которому место не столько в правительстве, сколько на стадионе, в рядах болельщиков, на газету обрушился целый поток писем. Их авторы утверждали, что Джек Линч — лучший премьер-министр, какого только знала страна, и настаивали на том, чтобы Хелен извинилась. Письма эти по странному совпадению пришли в основном из графства Корк, откуда был родом нынешний премьер-министр.

Брин рассказал ей о случившемся с редким для него воодушевлением. Должно быть, его забавлял тот факт, что Хелен попала в неприятное положение.

— Может, мне стоит написать опровержение? — поинтересовалась она.

— Опровержение? — фыркнул Брин. — С какой стати? Благодаря твоей статье номер разлетелся в считанные часы.

— Но тогда...

— Я звоню не для этого. Мне нужна тысяча слов относительно того, что дали результаты вскрытия Стивена Бико. Не позднее завтрашнего полудня. Лидер движения за права чернокожих умер от обширного кровоизлияния в мозг, вызванного многочисленными ударами по голове — причем в то время, когда он находился в тюремной камере. Несмотря на расследование, полицейские отделались легким испугом. Распиши все в красках — мне нужен взрыв праведного негодования.

Брин, надо отдать ему должное, был не из пугливых, что не могло не восхищать Хелен.

— Сколько времени? — спросила Элис.

Хелен бросила взгляд на часы.

— Черт! — вырвалось у нее. Выронив конверт, она вскочила со стула.

— Надевай пальто.

— Я не хочу...

— Живей! — она пихнула в раковину грязную посуду и быстро зашарила в поисках ключей от машины. Ключи нашлись на столике, под розово-красным полосатым носком.

— Я забыла почистить зубы, — объявила Элис, усаживаясь в машину. Маленькая хитрюга. Дождалась момента, когда возвращаться домой уже не было времени.

— Скоро они у тебя выпадут, — сообщила Хелен, выезжая на дорогу. — Тебе придется сделать вставную челюсть, и все будут смеяться над тобой.

Элис с полным равнодушием отвернулась к окну.

— Не выпадут. Патрисия О'Нил каждый день приносит в школу булочки с лимонным повидлом, и ни один зуб у нее еще не выпал.

Хелен проехала мимо соседнего дома, приветливо помахав Мэлоуну, который бродил по своему крохотному, безупречно ухоженному садику. Тот, как обычно, взглянул на нее с недовольной физиономией. Если в один прекрасный день он улыбнется в ответ, Хелен рискует онеметь от изумления.

Директор школы стояла у дверей, не сводя взгляда с дороги. Засела в засаде. Как только Хелен притормозила, женщина заспешила к машине — так быстро, как только позволяло ее длинное черное одеяние.

— Миссис Фицпатрик, мне нужно поговорить с вами...

— Прощу прощения, сестра, но я опаздываю на встречу, — Хелен почти выпихнула Элис из машины. — Как-нибудь в другой раз, извините.

Ну что с того, что Элис время от времени опаздывает на занятия? В конце концов, она только в первом классе!

Дома она вымыла тарелки из-под завтрака и поставила их сушиться. Затем быстренько сварила свежий кофе, напрочь забыв, что у них нет молока. С досады выругавшись, Хелен хлопнула дверцей холодильника.

Мэлоун — придется идти на поклон к старикашке. Вряд ли он откажет ей в такой малости. Хелен просто необходим кофе с молоком, если она хочет выдать к завтрашнему дню тысячу слов по Джо Долану.

— Парень планирует в этом году отправиться в турне по России, — сообщил ей днем раньше Брин. — Мне нужна статья — что-то вроде «От Маллингара до Москвы».

Хелен не сдержала стона.

— Джо Долан? Только не это.

— Давай без разговоров, — заявил Брин тоном, не терпящим возражений.

Джо Долан исполнял тот вид песен, которые Хелен на дух не переносила. И вот теперь

ей предстоит рассыпаться в похвалах этому потенциальному Пресли с задворков Ирландии, который решил осчастливить своим творчеством российских слушателей. Что делать? Не могла же она так просто взять и отказаться от чека. В результате она заказала себе парочку журналов в фан-клубе Долана, и в скором времени костяк статьи был готов. При желании она выдаст тысячу слов на любую тему, лишь бы вовремя платили.

К счастью, в запасе у Хелен имелась парочка куда более интересных идей, над которыми стоило поработать. Она собиралась написать статью про Йоркширского Потрошителя, последнюю жертву которого — восемнадцатилетнюю девчонку — обнаружили полтора месяца назад. Еще она хотела взять интервью у матерей тех ирландских солдат, которых отправляли воевать в Ливан. Брину эта идея наверняка придется по душе.

А еще, если удастся организовать встречу, она побеседует с Имоном Когленом, перед тем как он отправится выступать на чемпионате Европы. Словом, работы у нее — край непочатый, и это не считая книг и фильмов, на которые нужно написать рецензии.

Хелен шагнула за порог и увидела Мэлоуна, который подстригал живую изгородь, разделявшую их дома. Этот маленький человечек держал свою лужайку в безупречном порядке: на зеленом пятачке ни ромашки, ни одуванчика. Лишь неподалеку от ворот росли два аккуратных кустика. Что и говорить, разительный контраст по сравнению с ее двориком, сплошь засыпанным мелкой галькой.

— Молоко? — недовольная гримаса на его лице стала еще заметнее.

Хелен едва удержалась, чтобы не сказать: *Да, такое белое вещество, которое дают коровы.*

— У меня закончилось молоко, — проговорила она, стараясь изъясниться как можно любезнее. — А я как раз сварила кофе. Буду очень признательна, если вы дадите мне капельку молока.

Мэлоун разглядывал ее с прежней подозрительностью.

— Не знаю, есть ли у меня молоко, — ответил он наконец. — Я редко его пью.

— Мне совсем чуть-чуть, — настаивала Хелен. *Пошевеливайся, не заставляй меня ждать.*

Развернувшись, Мэлоун зашагал к дому. Последнее, чего ему хотелось — хоть в чем-то помогать Хелен. Он постоянно стучал в разделявшую их стену, когда Хелен включала музыку погромче, даже если делала она это в разгар дня. В последнее время она наловчилась стучать в ответ, что явно не улучшало настроения соседа. Рано или поздно она сведет его в могилу: врубит во всю мочь Black Sabbath и будет слушать до тех пор, пока старикашку не хватит удар.

Хелен застыла в ожидании по свою сторону изгороди. В доме Мэлоуна никогда не открывали окон — наверняка он весь провонял его старым облезлым котом. Если так подумать, молоко тоже должно вонять котом. Нет, надо было ехать в магазин. Ну что он там, застрял, что ли?

Наконец Мэлоун вышел из дома. В руках у него была бело-голубая чашка, на дне которой плескалось немного молока. На пару чашек кофе — и только.

— Большое вам спасибо.

— Чашку верните назад.

Как будто ей нужна была его жалкая чашка!

— Разумеется, — сухо ответила Хелен. — У меня дома хватает посуды.

— И не гремите так музыкой, — добавил он ей вслед.

Она предпочла промолчать. Повезло же ей поселиться рядом с таким занудой! *Он из тех, кто лает, но не кусает*, любил повторять Кормак. *Будь к нему посписходительнее*. Но Хелен, по возможности, предпочитала держаться подальше от Мэлоуна.

Вернувшись к себе на кухню, она включила новости. В Белфасте застрелены британский солдат и какая-то женщина. В Швейцарии похитили из могилы гроб с телом Чарли Чаплина. Новая драма «Шип», запущенная недавно по ирландскому телевидению, с треском закрылась после шести серий — из-за того, что авторы осмелились показать обнаженную актрису, которая играла по сюжету натурщицу. Есть над чем поработать, когда она разберется, наконец, с Доланом.

Хелен уже усаживалась за стол с кружкой кофе, когда взгляд ее упал на письмо, которое она не успела открыть до отъезда в школу. Из конверта выпал листок, украшенный изображением вазы с букетом ромашек. Может, хоть на этот раз обойдется без критики, и автор ограничится парочкой позитивных замечаний.

Письмо было написано теми же фиолетовыми чернилами, что и адрес на конверте. Почерк округлый, с завитушками.

Дорогая мисс О’Дауд,

я хотела бы высказать свое негодование по поводу той рецензии на роман «Убить не со зла», которая появилась в сегодняшней газете. Вы безо всякой жалости обрушились на автора книги, которую я, признаться не читала, однако считаю, что Вам следовало бы воздержаться от наиболее колких замечаний (тем более что это дебют). Только представьте, сколько сил вложил автор в свой роман! Особенно неуместной представляется Ваша фраза насчет ведения дневника. Думаю, Вы не обидитесь, если я скажу, что в будущем Вам стоит тщательнее выбирать слова. Надеюсь, Вы не против конструктивной критики.

Искреннее Ваша,

Сара Флэннери (миссис).

Хелен подлила в кофе молока, которое с таким трудом удалось выцарапать у соседа. Письмо это позабавило ее, но одновременно и вызвало раздражение. Такое чувство, будто Поллианна^[3], живая и здоровая, обитала в каких-то сорока милях от Хелен, и ее страшно тревожило, как бы бедняжка автор не расстроился из-за такой ужасной рецензии. Наверняка у Сары Флэннери (миссис) полно свободного времени, и она с охотой тратит его на добрые советы окружающим.

Достаточно наивна, чтобы признать, что даже не читала эту чертову книгу. *Только представьте, сколько сил вложил автор в свой роман!* Да откуда ей знать, сколько сил он туда вложил? Прочитай она хотя бы первую пару страниц, ей бы тут же стало ясно, что этот человек не перетрудил себя работой. Но нет, она была слишком занята — писала разгневанное послание этой ужасной рецензентке.

Надеюсь, Вы не против конструктивной критики. И что же в ней, позвольте узнать, такого конструктивного? Еще одно клише, смысла которого эта женщина просто не понимает. Вот уж, правда, смешная особа.

Она так и видела Сару Флэннери в ее уютном сельском домике, вокруг которого посажены кусты роз. Замужем за мистером Флэннери — здоровяком с квадратной

челюстью, который обращается со своей женой, как с королевой.

Эта идеальная домохозяйка каждое утро преданно провожает мужа на работу. Затем, надев кружевной фартучек, готовит ужин ему и двум их ребятишкам — мальчику и девочке, этим идеальным созданиям, которые всегда приносят из школы только высшие баллы.

Пожалуй, стоило бы послать ей пресловутый роман — пусть почитает ту халтуру, которую она так яростно отстаивает. Хелен вытряхнула из пачки сигарету. А почему бы и нет? В следующий раз она как следует подумает, прежде чем писать свои глупые письма.

Сунув сигарету в рот, Хелен пошарила в поисках спичек. Печатная машинка стояла наготове, поджидая, когда Хелен выбьет на ней положенную тысячу слов по Джо Долану. Сроки поджимали, но она не спешила.

Пусть Брин понервничает — он это заслужил.

— Эту землю она купила еще два года назад, а теперь планирует построить там новый дом. Представляешь, настоящая принцесса будет приезжать на праздники в Мейо!

— Ренье, должно быть, сам не может поверить своему счастью, — сказала Кристина, разглядывая фотографию на обложке. — Выглядит она потрясающе, даже в этом ужасном шарфе.

— Просто красавица. Жаль, что ей нельзя уже будет сниматься... Ах да, знаешь, что мне пришло по почте не далее как позавчера?

— И что же?

— Та самая книжка, которую Хелен О'Дауд рецензировала несколько недель назад. Помнишь, я писала ей о том, что она слишком жестоко обошлась с автором?

— Признаться, я совсем об этом забыла... И что, она прислала тебе книгу?

— Сопроводительного письма не было, но я полагаю, что это от нее.

— Ты что, написала ей, что не читала романа?

— Ну да. Лучше быть честной.

Кристина рассмеялась.

— До чего же ты наивна! Трудно поверить, что мы родились в одной семье. Стало быть, она решила, что тебе стоит прочесть роман, который ты так отстаиваешь. Дай-ка я взгляну на книгу.

Вытащив книжку из ящика стола, Сара вручила ее сестре. Та принялась.

— Пахнет сигаретами, — заметила она и начала листать страницы.

Сара подошла к окну и бросила взгляд на вишню, которую Нил посадил шесть месяцев назад, в тот самый день, когда они вернулись из Англии. Медовый месяц их подошел к концу, и Сара, наблюдая за тем, как муж опускает в землю саженец, рассеянно думала: *Возможно, я уже беременна*. Но вот уже и март был на исходе, и маленькое деревце впервые покрылось шапкой цветов, а ее месяц за месяцем поджидало очередное разочарование. Ладно, ничего страшного. Ей всего только двадцать восемь, так что впереди у них куча времени.

Тишину неожиданно нарушил детский всхлип. Кристина, будто не заметив, продолжала читать.

— Я им займусь, — Сара подошла к кроватке и достала оттуда теплый, недовольно извивавшийся сверток. Прижав малыша к себе, она начала тихонько его укачивать.

— Нужно поменять пеленку, — сказала Кристина, не отрывая взгляда от книги. — Я даже тут чувствую запах.

— Сейчас поменяю.

Будь ее воля, Сара не отходила бы от малыша — целовала бы его щечки, гладила крохотные пальчики, прижималась щекой к тугому животу. Всего-то четыре месяца, а уже точно знает, что тетушка его обожает, — в этом Сара не сомневалась.

— Эйдан, — шепнула она, касаясь губами его уха. Появился на свет через девять месяцев после замужества Кристины. Ребенок, зачатый в медовый месяц. Сара сама мечтала о таком, но мечтам ее не суждено было сбыться.

Как только сестра с племянником ушли, Сара убрала на кухне и поставила стирать белье. К выходным у нее всегда накапливалась масса дел. В свое время она только и мечтала о том, чтобы выйти замуж, обзавестись детьми и всецело посвятить себя семье. Но теперь,

когда у нее появилась любимая работа, она начала немного иначе смотреть на вещи.

Разумеется, не так-то просто было вести семейную жизнь и в то же время работать. Однако шел 1978 год, и работающие матери становились скорее нормой, чем исключением — особенно теперь, когда их заработная плата (по крайней мере, в теории) ничем не уступала мужской. Да и что хорошего, всякий раз бегать к Нилу, когда ей понадобится немного денег?

Жизнь менялась, причем с немыслимой скоростью. Недалек был тот день, когда семейные пары смогут получать противозачаточные у своих врачей. Не то чтобы Сара пользовалась такими вещами — чем больше детей в семье, тем лучше. Но даже если она забеременеет, то постарается подольше удержаться на своей работе.

Для начала, правда, нужно забеременеть.

Вернув в ванную пустую корзинку для белья, Сара отправилась во двор, чтобы подстричь газон. Повезло же ей выйти замуж за садовника, который всю неделю занимался чужими лужайками и кустами, но напрочь забывал про собственные. Из-за этого Саре приходилось тратить порой больше времени на сад, чем на дом. Ей, впрочем, нравилось работать на улице — если погода, конечно, позволяла.

Методично срезая подростную траву, она размышляла о женщине, которая отправила ей книжку. Непонятно, как она приняла критику в свой адрес, ведь в ответ Сара не получила ни строчки. Возможно, книга и явилась тем самым ответом. *Прочти это*, было зашифровано в послании, и тогда тебе станет ясно, о чем я говорю.

Саре на самом деле стоило прочесть книгу *до того*, как она взялась писать негодующее письмо. Вот сегодня и начнет — как раз вслед за «Девушкой с зелеными глазами». Ее, кстати, удивила шумиха, поднятая вокруг этого романа. Эдна О'Брайен и правда позволяла себе порой весьма рискованные пассажи, но запрещать весь роман? Сжигать уже выпущенные экземпляры? Пожалуй, это чересчур.

Собрав скошенную траву, она бросила ее на кучу компоста. Но даже если «Убить не со зла» окажется посредственным произведением, это не значит, что Хелен О'Дауд вправе втоптать его в грязь. Ей ничего не стоило сделать автору хотя бы один-единственный комплимент. Уж на это бы ее хватило!

Убрав в сарай газонокосилку, Сара прошла в дом. Пока Нил не вернулся, можно быстренько сбежать в душ. Не успела она подняться наверх, как в прихожей зазвонил телефон.

— Сара, — раздался в трубке дрожащий голос отца, — мама в больнице.

Дорогая мисс О'Дауд,

спасибо, что прислали мне на прошлой неделе «Убить не со зла». Полагаю, Вы хотели показать этим, что мне следовало прочесть для начала роман и только потом критиковать Вашу рецензию. Разумеется, Вы были абсолютно правы, тем более что книга меня совсем не захватила. Сюжет показался мне размытым, да и герои не произвели сколько-нибудь заметного впечатления (особенно детектив, которого я сочла излишне самодовольным).

И все же, я думаю, рецензия Ваша была излишне резкой. По-моему, Вам стоило высказываться чуть сдержаннее, несмотря на негативное мнение о романе. Признаться, я сочувствую автору еще и потому, что сама пишу сейчас книгу. Представляете, как ужасно будет прочесть на нее отзыв вроде Вашего! В следующий раз, когда Вам придется делать анализ книги, имеет смысл вовсе промолчать, если Вы не найдете ни единого повода для похвалы. По крайней мере мне так кажется.

Еще раз выражаю Вам свою признательность за книгу. Полагаю, этот экземпляр Вам уже не нужен. И если Вы не напишете мне обратного, то на следующей неделе я передам его в местную благотворительную организацию. Они всегда рады пожертвованиям.

Искренне Ваша,

Сара Флэннери (миссис).

Хелен читала письмо с нарастающим раздражением. Ну что за наивная дурочка! ... *Имеет смысл вовсе промолчать, если Вы не найдете ни единого повода для похвалы.* И как, позвольте узнать, ей писать в этом случае рецензию? Опять целая страница чуши, аккуратно выведенной фиолетовыми чернилами.

Наверняка эта слащавая миссис Флэннери только и делает, что рассыпается в комплиментах, сгорая от желания осчастливить всех и каждого. Если бы Хелен пришлось затыкать себя всякий раз, когда на язык так и наворачивается резкое словцо, она большую часть жизни провела бы в полной немоте.

Что ж, именно это многие в ней и ценят. «Язычок у тебя как бритва», — частенько повторял ей Брин. Можно подумать, сам он не сотрясал воздух всякий раз, когда Хелен случалось в чем-то с ним не согласиться.

«Я создал эту проклятую газетенку, — рычал он в телефонную трубку, — и мне решать, что и как тут печатать. Мне, а не какой-то выскочке, которая считает себя вторым Хемингуэем. Будешь много умничать, в момент получишь пинка под зад». Разумеется, вместо «проклятой» там было другое словцо. И этот человек имел наглость всегда ткнуть в Хелен пальцем, если ей случалось выругаться во время их жарких телефонных споров!

И все же Брин не собирался отказываться от ее услуг. Что ни говори, а Хелен была для его газеты ценным приобретением. Да и она скрепя сердце вынуждена была признать, что Брин — лучший из редакторов, с какими ей приходилось работать. Он за версту замечал любую неточность в присланном материале и на дух не переносил халтуру. Работы Хелен пользовались у него неизменным уважением. Впрочем, будь у нее возможность, она

рассталась бы с ним без малейшего сожаления — уж очень ее достал этот самодовольно-приказной тон. Пока же у нее получалось только огрызаться время от времени.

Не то чтобы Брин был совсем уж плох. Как-то раз Хелен пришлось отказаться от статьи из-за того, что Элис сломала себе запястье, свалившись в парке с турника. В тот же вечер — вот уж сюрприз! — в дом позвонил курьер, привезший девочке большого голубого слона. И хотя Хелен не без оснований полагала, что подарок был делом рук Кэтрин, той все-таки требовалось согласовать все с Брином. Стало быть, под его дорогим костюмом все же билось что-то, похожее на сердце.

Она вновь пробежала глазами письмо. *Я... сама пишу сейчас книгу.* Можно представить, что за слащавая чепуха выйдет из-под пера этой особы! Никаких вам смертей или болезней. Все будут милы и любезны друг с другом, как прихожане во время проповеди. Сара Флэннери. Пожалуй, стоит запомнить это имя. Уж ее-то книгу Хелен точно не упустит! При условии, конечно, что найдется издатель, который решит опубликовать этот бред.

Хелен с раздражением швырнула письмо в мусорную корзину. Безмозглая дурочка. Видно, совсем уж нечем заняться, как только писать нравоучительные письма между вышиванием подушек и прочей дамской чепухой.

Она потянулась было за сигаретой, но в этот момент зазвонил телефон. Хелен сняла трубку.

— Миссис Фицпатрик?

Голос, такой уверенно-любезный, казался смутно знакомым, но Хелен никак не могла определить, кто же это.

— Я слушаю.

— Это сестра Алоиза. Я звоню вам насчет Элис.

Вот черт — очередная жалоба! Хелен решила опередить события.

— Да, моя дочь немного опоздала вчера на занятия, — зачастила она, разглядывая висевшую в углу паутину, — но это исключительно по моей вине. Понимаете, я забыла завести...

— Миссис Фицпатрик, — на этот раз голос монахини звучал более сухо, — я звоню не для того, чтобы пожаловаться на опоздание, хотя приучать девочек к пунктуальности необходимо уже с такого юного возраста.

Высокомерная сучка, прошипела про себя Хелен. Ну, что еще там натворила ее дочь? Стащила у кого-нибудь конфеты? Поломала чужие карандаши? Что такого мог сделать семилетний ребенок, чтобы переполошить саму директрису?

— Видите ли, у Элис полно вшей, и продолжается это уже не один день. Я была бы очень признательна, если бы вы занялись ее головой.

Вшей? Хелен ошарашенно молчала в трубку.

— Я знаю, миссис Фицпатрик, что вы и без того очень заняты, но это такой вопрос, которым нельзя пренебрегать. Сами понимаете, вши с легкостью могут перейти и на других детей.

У ее Элис вши?

— Миссис Фицпатрик? Алло? Вы меня слышите?

— Да, — сглотнула Хелен.

— Вам нужно почаще заглядывать к Элис в портфель.

Заглядывать в портфель? Там что, тоже вши?

— Мисс О'Киффи регулярно рассылает родителям записки, в которых затрагивает

самые разные темы. Напоминает она и о том, как важно проверять головки детей на предмет вшей. Не знаю, в курсе вы или нет, но она лично раскладывает записки по портфелям.

Записки? Ни о чем подобном Элис даже не упоминала. Когда она в последний раз проверяла портфель дочери? Похоже, никогда.

— Спасибо, — выдавила она. — Я прослежу за этим.

Сестра Алоиза продолжала что-то вещать, но Хелен, как сомнамбула, отвела трубку от уха и повесила ее на рычаг. На кухню она вернулась, кипя от гнева. Другое дело, что она и сама не знала, кто был виновником ее раздражения.

Элис, не потрудившаяся передать ей записки? Или эта святоша, сестра Алоиза, которой наверняка доставило удовольствие сообщить Хелен эту малоприятную новость? Или бестолковая мисс О'Киффи, успевшая, должно быть, предостеречь других деток от общения «с этой неряхой Элис»?

Да что там, поморщилась Хелен, вся вина лежит только на ней. Что она за мать, если не удосужилась даже купить частый гребень? А ведь в детстве, припомнила Хелен, ее не раз вычесывали подобной шгукой. Неприятная, но крайне необходимая процедура. Бедняжке Элис явно не повезло с матерью.

Вытряхнув из пачки сигарету, Хелен зажгла ее трясущимися пальцами и принялась в гневе расхаживать по кухне. Господи Боже, ну и новость свалилась на нее этим утром! У Элис вши. Внутри у нее все сжалось, когда она представила себе крохотных копошащихся тварей.

Как только она умудрилась проглядеть, что Элис чешется? Наверняка та регулярно тербит себе голову. Как она могла не заметить вшей, когда промывала дочери волосы? Она занималась этим каждую субботу, и Элис все время хныкала, что мать слишком сильно трет ей голову, а от пены у нее щиплет в глазах. Хелен и правда терла, что было мочи. Как только вшам удалось выжить?

А вдруг они завелись и у нее? От этой мысли Хелен передернуло. Она яростно затеребила голову. Только этого не хватало! Надо срочно бежать в аптеку, а статьи уж как-нибудь подождут.

Вихрем взлетев на второй этаж, она сдернула с кровати постельное белье и оттащила все в ванную. Запихнув тюк в стиральную машину, она принялась заполнять ее водой. В висках у нее все еще колотилось от бешенства. Куда подевался этот проклятый Мэлоун? Самое время как следует наорать на него.

Пока вода в машине грелась, Хелен швырнула остатки тоста в мусорную корзину, на приторно-сладкое послание Сары Флэннери. Уж в ее-то доме и слыхом не слыхивали о вшах! Наверняка проверяет головки своих милых деток дважды в неделю, а в ванной у нее, на всякий пожарный случай, стоит бутылочка с чудодейственным снадобьем.

Резко наклонившись, Хелен выхватила из корзины письмо и стряхнула с него крошки. Пробежалась глазами по фиолетовым строчкам, после чего, скомкав, вновь швырнула его на кучу мусора. Отточенным движением выдернула из стопки чистый листок и сунула его в печатную машинку.

Печатала Хелен быстро, почти без остановок. Закончив, она вытащила листок, перечитала написанное и быстрым росчерком поставила подпись. Чистый конверт она отыскала в куче газет и журналов, а в треснувшей чашке на окне нашла неиспользованная марка.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Герои баллады Эдварда Лира (1812–1888) — английского художника и поэта, одного из основоположников «поэзии бессмысленного».

Ширли Темпл (1928–2014) — американская актриса, известная по своим детским ролям в 1930-х гг.

Героиня одноименного романа американской писательницы Элинор Портер (1868–1920) — одиннадцатилетняя девочка, которая во всем находит повод для оптимизма и учит окружающих игре «в радость».